

Протоиерей
Николай ЕЛЕОНСКИЙ

**КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ ПОДЛИННОГО
ВЕТХОЗАВЕТНОГО ТЕКСТА**

Впервые опубликовано:
Чтения в Обществе любителей духовного просвещения,
1874, № 8, с. 151–181; № 9, с. 275–310

(

Краткій очеркъ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста.

Священныя книги ветхаго завѣта содержать въ себѣ Божественное Откровеніе, сообщенное людямъ для ихъ спасенія посредствомъ просвѣщенныхъ Духомъ Божіимъ мужей, называемыхъ пророками. Съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстна намъ эта истина и находясь подъ ея исключительнымъ воздействиемъ, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ священою библіею ветхаго завѣта и, не отдаляя ее отъ новозавѣтнаго откровенія, спѣшимъ обратиться къ ней для подкрепленія нашей охладѣвающей вѣры, нашихъ ослабѣвающихъ нравственныхъ силъ, для успокоенія нашего грѣшнаго и потому вѣчно и глубоко скорбящаго сердца. При этомъ не заражается въ насть никакихъ вопросовъ и сомнѣній, которые бы смущали насть и ослабляли дѣйствие указанной отрадной истины. Но подобныя сомнѣнія — вопросы не имѣютъ мѣста до тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ въ виду лишь Богооткровенное содержаніе ветхозав. свящ. писаній, безотносительно къ виѣшией его сторонѣ, къ его, такъ сказать, временной человѣческой оболочкѣ. Но они неизбѣжны, какъ скоро мы коснемся этой стороны. Въ самомъ дѣлѣ — священная библія ветхаго завѣта на подлинномъ древне — еврейскомъ языке — предъ нами. Смотримъ, и что же видимъ? Обыкновенную, какъ и всѣ, книгу, состоящую изъ неустойчиваго, недолговѣчнаго материала, заключающую въ себѣ извѣстное количество страницъ, покрытыхъ еврейскими письменами. И оказывается, такимъ образомъ, что библія ветхаго завѣта хотя въ

существъ своеи и есть дѣло Божіе, откровеніе Духа Святаго, но по виѣшней своей сторонѣ—дѣло чисто человѣческое, литературный памятникъ древняго еврейскаго народа, вprodолженіе многихъ вѣковъ переходившій изъ рукъ, въ руки отъ народа къ народу и наконецъ дошедшій до нась въ обычной, всѣмъ знакомой виѣшней формѣ. Обстоятельство это, какъ скоро мы остановимся на немъ своею мыслю, необходимо должно вызвать и дѣйствительно вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и между прочимъ вопросы такого рода: тѣ письмена, которыми теперь начертанъ оригиналъ текстъ ветхозавѣтныхъ книгъ и которые выражаютъ истины, въ этихъ книгахъ содержащіяся, суть-ли письмена, употреблявшіяся богопросвѣщенными мужами при записи откровеній, или же письмена настоящія утратили всякое сходство съ древними? Если послѣднее справедливо, то когда и какая именно перемѣна совершилась во виѣшнемъ видѣ свящ. текста, кто тѣ лица, которые произвели эту перемѣну и по какимъ побужденіямъ? Даѣ—при перемѣнахъ (если таковыя производились) во виѣшнемъ начертаніи текста была-ли соблюдана надлежащая осторожность, не исказился-ли при этомъ первоначальный текстъ, а тѣмъ болѣе не исказился-ли онъ при своемъ распространеніи посредствомъ многочисленныхъ копій, что такъ легко и почти неизбѣжно, когда изъ вѣка въ вѣкъ передаются древніе письменные памятники? Всѣ выставленные вопросы, разъ они возникли въ нашемъ умѣ, невольно смущаютъ нась и настойчиво требуютъ болѣе или менѣе удовлетворительного отвѣта. Но возможенъ-ли такой отвѣтъ? Да, его можетъ дать исторія подлиннаго ветхозавѣтнаго текста. Краткій очеркъ этой исторіи мы и попытаемся представить.

До XVII столѣтія вопросы, относящіеся къ исторіи подлиннаго вз. текста, не были подвергаемы научной разработкѣ и даже не были серьезнымъ образомъ затрагиваемы. Правда, лицами, занимавшимися изученіемъ св. писанія, высказывались

время-отъ-времени различныя мнѣнія относительно вида вз. текста, относительно его правильности¹⁾; но мнѣнія эти оставались лишь частными мнѣніями, не вызывали ученыхъ споровъ, которые бы могли привести къ положительнымъ результатамъ и возвести предположенія на степень несомнѣнныхъ данныхъ. Лишь со временемъ реформаціи на подлинный вз. текстъ было обращено серьезное вниманіе и вопросы, касающіеся исторіи, были поставлены на научную почву. — Въ XVI в. въ средѣ только что отдѣлившихся отъ римской церкви протестантовъ и въ средѣ католиковъ сложились два совершенно противоположныхъ воззрѣнія на вз. текстъ. Протестанты, признавшіе св. писаніе исключительнымъ источникомъ вѣро- и нравоученія и отвергнувъ авторитетъ церкви въ дѣлахъ вѣры, начали относительно подлиннаго текста свящ. вз. книгъ отстаивать то мнѣніе, что этотъ текстъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существуетъ и теперь, произошелъ отъ самихъ священныхъ писателей и съ тѣхъ отдаленныхъ временъ сохранился неизмѣннымъ во всѣхъ своихъ, самыхъ даже незначительныхъ, начертаніяхъ. Вслѣдствіе такого мнѣнія протестантами было признано за подлиннымъ вз. текстомъ и по отношенію къ правильности абсолютное достоинство сравнительно съ текстами переводными—греческимъ LXX-ти и латинскимъ Іеронима, или вульгатою. Что касается католиковъ, то они, не затрогивая пока вопроса о видахъ еврейскаго вз. текста, придавали ему, относительно правильности, второстепенное значеніе

¹⁾ Такъ многіе іудейскіе грамматики, начиная съ X-го в., признавали за еврейскою пунктаціею древнѣйшее происхожденіе, одновременное съ возникновеніемъ св. книгъ, таковы напр. Saadia Gaon († 942) и Iuda Chiug († ок. 1040); напротивъ другіе іуд. ученые, какъ Aben Esra († 1194), считали ее позднѣйшимъ сравни-тельно изобрѣтеніемъ. Что касается правильности подлиннаго вз. текста, то древніе отцы церкви, вступавшіе въ полемику съ іудеями, настаивали на томъ, что іудеи повредили подлинный текстъ вз. книгъ; между тѣмъ Оригенъ и Іеронимъ были противнаго мнѣнія.

и признавали несравненно большее преимущество за греческимъ и особенно латинскимъ переводами вз. библіи, такъ какъ переводы эти были освящены многовѣковымъ церковнымъ употреблениемъ. Эти противоположныя воззрѣнія поддерживаемы уже не отдельными лицами, а цѣлыми обществами христіанъ, непріязненными притомъ одно другому, не могли не послужить поводомъ къ оживленнымъ спорамъ, и споры эти дѣйствительно возгорѣлись, какъ скоро протестанты начали приводить въ пользу своего воззрѣнія на подлинный вз. текстъ научныя данныя.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. въ главѣ ученыхъ протестантовъ стоялъ знаменитый евреистъ и замѣчательный знатокъ раввинской литературы Іоаннъ Буксторфъ старшій (1564—1629). Родомъ вестфалецъ, онъ въ молодости поселился въ Базелѣ и здѣсь, въ качествѣ профессора еврейскаго языка, провелъ всю жизнь, посвятивъ свои силы радушно принявшему его новому отечеству. Буксторфъ основательно изучилъ толкованія на вз. свящ. книги раввиновъ и другія сочиненія іудейскихъ ученыхъ, съ цѣллю пріобрѣсти обстоятельныя поznанія относительно іудейскихъ преданій и воззрѣній іудеевъ на исторію свящ. вз. книгъ и исторію ихъ текста, а также съ цѣллю ознакомленія съ способами обработки и изъясненія св. писанія въ различныхъ іудейскихъ школахъ. Не довольствуясь изученіемъ еврейской литературы, Буксторфъ велъ постоянную переписку съ современными ему іудейскими учеными Германіи, Польши и Италіи по поводу тѣхъ или другихъ библейскихъ вопросовъ и тщательно поддерживалъ близкія личныя отношения съ базельскими евреями, чтобы такимъ путемъ изучить еврейскіе нравы и обычай и имѣть въ евреяхъ полезныхъ помощниковъ при изданіи еврейскихъ сочиненій. Своимъ основательнымъ знакомствомъ съ іудейскимъ преданіемъ, своею обширною начитанностю въ ученой еврейской литературѣ Буксторфъ не преминулъ воспользоваться. Будучи искреннимъ приверженцемъ протестантскихъ вѣрованій и воззрѣній, Буксторфъ поставилъ своею задачею—съ одной сто-

роны поддержать, вопреки последователямъ римской церкви, достоинство еврейского текста вз. книгъ посредствомъ указаній на внимательную обработку и на тщательное, исключавшее возможность какихъ бы то не было измѣненій, охраненіе его іудеями съ древнѣйшихъ временъ, съ другой—доказать несомнѣнность іудейскихъ свидѣтельствъ о томъ, что настоящій вѣшній видъ текста есть первоначальный, никогда не подвергавшійся какимъ либо перемѣнамъ, и своими доказательствами устранить то недовѣріе къ этимъ свидѣтельствамъ, которое высказывалось даже представителями реформаціи—Лютеромъ, Цвингли и Кальвиномъ. Взгляды Буксторфа на вз. подлинный текстъ были высказаны имъ главнымъ образомъ въ сочиненіи: *Tiberias sive commentarius masoreticus triplex, historicus, didacticus, criticus etc.* (Тиверіада, или троекратный мазоретскій комментарій—исторический, дидактический, критический и проч.). Въ этомъ сочиненіи Буксторфъ изложилъ, на основаніи іудейского преданія, исторію мазоры²⁾ и представилъ опроверженіе того мнѣнія, по которому мазора возникла послѣ завершенія талмуда, благодаря дѣятельности ученыхъ іудеевъ тиверіадской школы. Въ сочиненіи часто идетъ рѣчь о томъ, что, по мнѣнію Буксторфа, было плодомъ занятій тиверіадскихъ іудеевъ; отсюда, кажется, и название: *Tiberias*³⁾. — Ученые труды Буксторфа, клонившіеся въ пользу протестантскаго воззрѣнія на вз. подлинный текстъ не остались не замѣченными: они вызвали возраженія. Учеными противниками взглядовъ Буксторфа явились французскіе богословы—Іоаннъ Моринусъ и Людовикъ Капеллусъ.

Іоаннъ Моринусъ (1591—1659) родился въ реформатскомъ семействѣ, но перешелъ въ католичество и сдѣлался горя-

²⁾ Мазора *מְזוֹרָה* преданіе. Слово „мазор“ употребляется для наименованія заключенного въ письмена устнаго іудейскаго преданія относительно библейскаго текста; мазореты—лица, записавшія это преданіе. О той и другихъ рѣчь будетъ далѣе.

³⁾ См. Bertheau, Buxtorff. Real-Encykl. B. 2, S. 479—481.

чимъ противникомъ протестантства. Въ своихъ сочиненіяхъ, заключающихъ въ себѣ критическія изслѣдованія относительно подлиннаго вѣ. текста, Моринусъ старался доказывать между прочимъ, что текстъ самарянскаго пятокнижія, какъ болѣе правильный, имѣеть рѣшительное преимущество предъ настоящимъ іудейско-мазоретскимъ⁴⁾ текстомъ библіи, и что знаки для обозначенія гласныхъ звуковъ, употребляемые въ послѣднемъ текстѣ, имѣютъ сравнительно недавнее происхожденіе. Главный трудъ Моринуса по части библейской критики, замѣчательный своею ученостію и многими достойными вниманія частными изслѣдованіями, носитъ название:

⁴⁾ Моринусъ, Капеллусъ и др. полагали, что пятокнижіе самарянъ перешло къ нимъ непосредственно изъ царства израильскаго послѣ его разрушенія. По мнѣнію же новѣйшихъ ученыхъ (основательнѣйшему) самарянская рецензія пятокнижія возникла въ Египтѣ между тамошними іудеями и оттуда могла перейти къ самарянамъ послѣ плены гавилонскаго не ранѣе того времени, какъ у самарянъ было учреждено постоянное служеніе Іеговѣ на горѣ Гаризимъ.

Уклоненія самарянской рецензіи пятокнижія отъ общеупотребительнаго еврейскаго текста библіи очень многочисленны. Уклоненія эти частію касаются лишь орографіи и грамматическихъ формъ; частію же состоять въ измѣненіяхъ и добавленіяхъ сдѣланныхъ несомнѣнно съ тою цѣллю, чтобы уяснить смыслъ известныхъ мѣстъ, устраниТЬ дѣйствительныя или кажущіяся затрудненія, представляемыя текстомъ и уничтожить то, что было несогласно съ историческими и догматическими представлениами самарянъ. Такъ въ самарянской рецензіи пятокнижія встрѣчаются измѣненія хронологическихъ данныхъ относительно напр. времени пребыванія евреевъ въ Египтѣ. Далѣе въ ней во всѣхъ разсказахъ о богоявленіяхъ являющійся не называется Богомъ Іеговою, но всегда ангеломъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ еврейскомъ текстѣ говорится прямо о Іеговѣ. Особенно же замѣчательно то, что въ самарянскомъ пятокнижіи та гора, на которой, по повелѣнію Моисея, должно было поставить камни съ начертаннымъ на нихъ закономъ,

Exercitationum biblicarum de hebraei graecique textus sinceritate libri duo (Двѣ книги библейскихъ изслѣдований о неповрежденности еврейского и греческого текстовъ). Первая часть его была напечатана въ 1633 г., въ полномъ же объемѣ онъ появился въ 1669 г. уже по смерти автора. Въ названномъ труде раскрыто то положеніе, что оригинальные тексты библии съ теченіемъ времени, вслѣдствіе небрежности переписчиковъ, настолько повредились, что ими невозможно пользоваться, какъ благонадежными и что поэтому при изученіи вз. книгъ необходимо слѣдуетъ придерживаться LXX и особенно, какъ при изученіи в., такъ и н. завѣта, вульгаты, этого самоподлиннаго церковнаго перевода. Ратуя противъ воззрѣній протестантовъ на св. писаніе, какъ на единственный источникъ вѣры, Моринусъ въ своемъ труде усиливался доказать своимъ противникамъ,—какъ мало надежно само по себѣ св. писаніе безъ подчиненія, при его употребленіи, авторитету церкви.

Людовикъ Капеллусъ (Louis Cappel, Ludovicus Capellus) реформатъ, обладавшій серьезнымъ и многостороннимъ богословскимъ образованіемъ, основательнымъ знаніемъ языковъ арабскаго и еврейскаго, профессоръ послѣдняго въ Saumur'ской академіи, отличался безпристрастіемъ и самостоятельностью въ изслѣдованіяхъ. Главною задачею своихъ ученыхъ занятій Капеллусъ поставилъ—изученіе исторіи вз. подлиннаго текста и опроверженіе тѣхъ малоосновательныхъ воззрѣній на этотъ текстъ, которые были раздѣляемы протестантами.

названа не Геваломъ (Второз. 27, 4), какъ въ еврейскомъ текстѣ, а Гаризимомъ, очевидно съ намѣреніемъ возвысить значение Гаризима, священной для самарянъ горы.

Обстоятельное сличеніе самарянской рецензіи пятокнижія съ еврейскимъ текстомъ служитъ лишь доказательствомъ той великой заботливости палестинскихъ іудеевъ, съ какою они охраняли отъ всякихъ измѣненій и поврежденій священный оригиналный текстъ ветхозавѣтной библіи.

Первымъ его сочиненіемъ, направленнымъ къ выполненію указанной задачи, было: *Arcanum punctuationis revelatum* (Разоблаченная тайна пунктаці). Написавъ это сочиненіе, Капеллусъ послалъ его въ рукописи въ Базель къ Буксторфу старшему, желая узнать мнѣніе знаменитаго ученаго о своемъ трудѣ. Буксторфъ возвратилъ рукопись, призналъ всю трудность вопроса, затронутаго въ ней авторомъ, и въ тоже время просилъ его не обнародывать своего мнѣнія о сравнительно позднемъ происхожденіи еврейской пунктаціи ни посредствомъ чтеній, ни печатно, такъ какъ оно можетъ привести къ опаснымъ слѣдствіямъ. Сочиненіе было однакоже напечатано въ Лейденѣ въ 1624 г. Въ немъ Капеллусъ доказывалъ, что еврейская пунктація существуетъ не отъ начала міра, не была употребляема Мовсеемъ и другими священными писателями, не можетъ быть названа изобрѣтеніемъ Ездры, но что она придумана уже по окончаніи вавилонскаго талмуда іудейскими критиками и ими присоединена къ основнымъ согласнымъ литерамъ вз. текста. Капеллусъ подтверждаетъ свои положенія множествомъ историческихъ свидѣтельствъ и раскрываетъ ихъ спокойно; видно, что онъ былъ убѣжденъ въ справедливости того, что говорилъ, и твердо вѣрилъ, что его воззрѣнія нисколько не повредятъ достоинству св. писанія.—Второе знаменитое сочиненіе Капеллуса по истории вз. подлиннаго текста есть его *Critica sacra sive de variis quae in sacris V. T. libris occurunt lectionibus libri sex* (священная критика или шесть книгъ о различныхъ чтеніяхъ, которые встрѣчаются въ свящ. книгахъ ветхаго завѣта). Различныя чтенія въ параллельныхъ мѣстахъ вз. писаній, уклоненія древнихъ переводовъ отъ мазоретскаго текста привели Капеллуса къ заключенію, что воззрѣнія протестантовъ на вз. подлинный текстъ, какъ совершенно правильный лишено твердыхъ историческихъ основаній. Въ первыхъ пяти книгахъ своей *critica sacra* Капеллусъ представилъ слѣдующія изысканія: 1) о параллельныхъ мѣстахъ в. завѣта; здѣсь авторъ имѣлъ въ виду доказать, что различныя

ченія не должны быть объясняемы намѣреннымъ повреждениемъ текста; 2) о цитатахъ въ завѣта въ новомъ; 3) о различныхъ членіяхъ *keri* и *kethib*⁵⁾, о рукописяхъ восточныхъ и западныхъ іудеевъ, о печатныхъ изданіяхъ библіи, о мазоретскомъ и самарянскомъ текстахъ пятокнижія; 4) о уклоненіяхъ отъ мазоретского текста въ переводѣ LXX; 5) о подобныхъ же уклоненіяхъ въ другихъ древнихъ переводахъ, въ талмудѣ и въ древнихъ сочиненіяхъ іудеевъ. Въ шестой книгѣ Капеллусъ старался показать то, какимъ образомъ слѣдуетъ смотрѣть на различные членія, и затѣмъ то, что вызываемое различіемъ членій сомнѣніе въ совершенной правильности подлиннаго вз. текста не можетъ повредить достоинству писанія и не имѣть никакого значенія относительно предметовъ, касающихся вѣры и нравственности. *Critica sacra* послѣ многолѣтнихъ занятій его, была окончена Капеллусомъ въ 1634 г.; но печатаніе ея замедлилось вслѣдствіе противодѣйствія протестантовъ. Лишь въ 1650 г. сынъ Капеллуса Іоаннъ, перешедшій въ католичество и находившійся въ Парижѣ, исходатайствовалъ у короля позволеніе напечатать сочиненіе отца въ королевской типографіи. Въ изданіи книги принималъ также дѣятельное участіе Моринусъ, по своей непріязни къ протестантамъ. Впрочемъ современные Капеллусу ученые ознакомились съ содержаніемъ его труда, за долго до его напечатанія, по рукописямъ. — Третьимъ трудомъ Капеллуса по исторіи вз. текста было сочиненіе: *Diatriba de veris et antiquis Hebraeorum litteris* (Изслѣдованіе о дѣйствительныхъ и древнихъ письменахъ евреевъ). Въ немъ авторъ доказывалъ, что шрифтъ самарянского пятокнижія есть древнѣйший, по сравненію съ квадратнымъ шрифтомъ мазоретскаго текста.

⁵⁾ כְּתִיב *kethib* (то, что написано) есть такое членіе въ подлинномъ вз. текстѣ, противъ которого на поляхъ рукописи начертано. членіе иное קָרֵי *kéri* (то, что слѣдуетъ читать), по предположенію іудейскихъ ученыхъ, болѣе правильное.

Но если протестантскія воззрѣнія на вз. подлинный текстъ, научно защищаемыя Буксторфомъ старшимъ, вызвали ученых опроверженія со стороны своихъ противниковъ; то и труды послѣднихъ, и особенно труды Капеллуса, подали въ свою очередь, поводъ къ оживленной и страстной полемикѣ. Противъ выводовъ Капеллуса относительно еврейского текста вз. книгъ со всею энергию вооружился Буксторфъ сынъ (1599—1664), наследствавшій отъ отца, вмѣстѣ съ ученостю, и всѣ его взгляды. Противъ книги Капеллуса: *Arcanum punct. revelatum* Буксторфъ-сынъ выступилъ съ сочиненіемъ: *Tractatus de punctorum origine, antiquitate et auctoritate, oppositus arcano punct. revelato L. Cappelli.* 1648. (Трактатъ о происхожденіи, древности и значеніи пунктовъ, направленный противъ сочиненія Л. Капеллуса „Разоблаченная тайна пунктаціи“). Въ этомъ сочиненіи Буксторфъ, осыпая противника укоризнами, доказывалъ, на основаніи іудейского преданія, что еврейская пунктація произошла или отъ Моисея и другихъ свящ. писателей, или придумана Ездрою и съ тѣхъ поръ была сохраняма въ неизмѣнномъ видѣ. Цѣлію своего трактата Буксторфъ поставилъ—защитить истинность, подлинность, правильность и неповрежденность (*veritas, authentia, sinceritas et integritas*) современныхъ ему еврейскихъ кодексовъ и указать на нихъ, какъ на норму, съ помощью которой слѣдуетъ исправлять древніе переводы въ ихъ уклоненіяхъ отъ еврейского текста. Кроме *Arc. punct. revelat.*, Буксторфъ, составляя свой „*Tractatus*“, имѣлъ въ виду и „*Critica sacra*“ Капеллуса, съ содержаніемъ которой онъ имѣлъ случай познакомиться прежде ея напечатанія, и ратуя противъ первого сочиненія своего противника, въ то же время оспаривалъ въ трактатѣ выводы втораго; это побудило Капеллуса издать, вмѣстѣ съ „*Critica sacra*“, особое сочиненіе: *Justa defensio adversus injustum censorem* (Правдивая защита противъ несправедливаго критика). Когда *Critica sacra* вышла въ свѣтъ, Буксторфъ издалъ противъ нея отдельную

книгу подъ заглавіемъ: *Anticritica seu vindiciae veritatis hebraeae adversus Lud. Capelli criticam quam vocat sacram ejusque defensionem, quibus sacrosanctae editionis bibliorum hebraeae authoritas, integritas et sinceritas a variis ejus strophis et sophismatis, quamplurima loca a temerariis censuris et variarum lectionum commentis vindicantur etc.* (Антикритика, или полемическая изслѣдованія о подлинномъ еврейскомъ текстѣ противъ критики Л. Капеллуса, которую онъ называетъ священною, и противъ его защищенія, коими (изслѣдованіями) отстаиваются—авторитетъ, цѣлостъ и неповрежденность священнаго еврейскаго кодекса библіи отъ его (Капеллуса) несправедливостей и софизмовъ, многочисленныя мѣста—отъ его дерзновенныхъ исправленій и различныхъ ложныхъ чтеній и пр.). Уже изъ этого обширнаго заглавія можно видѣть, какой цѣли думалъ достигнуть въ своей книгѣ Буксторфъ. Цѣль представлялась ему достижимой, такъ какъ онъ со многими изъ своихъ протестантскихъ современниковъ считалъ преданіе іудейскихъ раввиновъ вполнѣ достаточною опорою для своихъ доказательствъ. Капеллусъ не оставлялъ безъ отраженія нападеній Буксторфа на каждый полемический трудъ послѣдняго онъ отвѣчалъ отдельными трактатами.

Споръ между Капеллусомъ и Буксторфомъ-сыномъ раздѣлилъ современныхъ имъ ученыхъ, интересовавшихся предметомъ спора, на два противоположные лагеря. Большинство ученыхъ Франціи, Англіи и Бельгіи примкнуло къ Капеллусу; напротивъ, почти всѣ ученые Германіи и Швейцаріи приняли сторону Буксторфа. Изъ послѣдующихъ, наиболѣе известныхъ, ученыхъ конца XVII и начала XVIII вв. взглядовъ Капеллуса держался Ричардъ Симонъ (1638—1712), одинъ изъ представителей послѣдняго блестящаго периода католической науки и основатель библейской исагогики, или, такъ называемаго, критического введенія въ св. Писаніе; возрѣнія же Буксторфа раздѣлялъ Карпцовъ (Іоаннъ Готлибъ † 1767). Ричардъ Симонъ

постарался отнестись со всевозможнымъ безпристрастіемъ къ подлинному вѣ. тексту. Онъ соглашался (*Histoire critique du Vieux Testament*, 1678), что мазоретскій текстъ, относительно правильности, можетъ выдержать сравненіе съ древними переводами, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ этотъ текстъ далекимъ отъ полнаго совершенства и потому требующимъ исправленій. По его мнѣнію еврейская пунктація, а также квадратный шрифтъ—сравнительно недавняго происхожденія. Что же касается Карпцова, то онъ напротивъ, подобно Буксторфу, настаивалъ на совершенной неизмѣнности подлиннаго вѣ. текста съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда появились впервые свящ. вѣ. книги. Такъ въ своей „*Critica sacra*“ (1728) Карпцовъ утверждалъ, между прочимъ, что евр. вѣ. текстъ со всѣмъ, что мы въ немъ теперь видимъ, даже съ раздѣленіемъ на стихи, произошелъ отъ самихъ свящ. писателей.

Послѣ временнаго затишья, занятія еврейскимъ текстомъ библіи, въ срединѣ прошлаго вѣка, снова оживились. С. F. Houbigant издалъ въ Парижѣ, 1745 г., *Prolegomena in scripturam sacram* (Введеніе въ св. писаніе), гдѣ онъ защищалъ то мнѣніе, что еврейскія рукописи, положенные въ основу печатныхъ изданій библіи ветхозавѣтной, очень испорчены, вслѣдствіе небрежности и невѣжества переписчиковъ. Для восстановленія текста онъ считалъ возможнымъ обращаться не только къ сличенію различныхъ еврейскихъ рукописей, древнихъ переводовъ и самарянской рецензіи пятокнижія, но и къ критикѣ, основанной на догадкахъ. Противникомъ Houbigant'a явился Sebaldus Rau съ своими *Exercitationes philologicae ad Houbigantii prolegomena* (Филологическія изслѣдованія по поводу введенія Houbigant'a). Въ прошедшемъ же вѣкѣ (во второй его половинѣ) были предприняты замѣчательные по своей громадности труды сличенія еврейскихъ списковъ свящ. книгъ англичаниномъ Kennicott'омъ и итальянцемъ Rossi, съ цѣллю найти въ еврейскихъ рукописяхъ до-

казательства поврежденности еврейского свящ. текста. Эти ученые сличили 1346 экземпляровъ различныхъ рукописей.

Ученые, о которыхъ мы упомянули, не были, конечно, свободны отъ односторонностей и крайнихъ увлеченій при раскрытии своихъ взглядовъ на подлинный вз. текстъ: неизбѣжное слѣдствіе новосги предмета, на который было обращено ихъ вниманіе, и особенно современныхъ имъ доктринальныхъ воззрѣній, которыми они руководствовались въ своихъ ученыхъ работахъ. Тѣмъ не менѣе ихъ изслѣдованіями добыты основные данные, главнѣйшіе выводы относительно исторіи подлиннаго вз. текста, и благодаря лишь ихъ по истинѣ замѣчательнымъ трудамъ, ихъ оживленной полемикѣ между собой, въ настоящее время установился правильный, говоря вообще, взглядъ на подлинный вз. текстъ въ его настоящемъ видѣ. Такъ теперь считается уже не подлежащимъ сомнѣнію, что послѣдняя окончательная работы относительно вѣнѣній стороны вз. текста не принадлежать Ездрѣ и современнымъ ему вдохновеннымъ мужамъ, что настоящій видъ этого текста есть дѣло позднѣйшихъ временъ и результатъ трудовъ многихъ лицъ, преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ, что наконецъ текстъ этотъ имѣеть далеко не абсолютное, а лишь относительное совершенство.

Приступая за симъ къ самому очерку исторіи подлиннаго вз. текста, мы, для болѣе удобнаго обозрѣнія фактовъ къ ней относящихся, раздѣлимъ ее, слѣдуя Дилльману ⁶⁾, на четыре періода: I-й древнѣйшій, до собранія свящ. вз. книгъ въ канонъ, когда вз. текстъ возникалъ впервые; II-й со времени завершенія канона до завершенія талмуда, или періодъ домазоретскій, когда были совершены всѣ главнѣйшія работы относительно текста; III-й мазоретскій, когда результаты трудовъ предшествующаго періода, сохранявшіеся по преимуществу

⁶⁾ См. Dillman, Bibeltext des A. T.; Real-Encykl., Bd. 2, s. 141—158. Дилльману же мы будемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

путемъ устнаго преданія, были увѣковѣчены въ письмени и въ. текстъ получилъ тотъ видъ, въ которомъ онъ существуетъ въ настоящее время; и IV-й послѣ-мазоретскій, — періодъ тщательного сохраненія и распространенія текста мазоретскаго.

1. Относительно древнѣйшей, такъ сказать, доканонической и совпадающей со временемъ возникновенія канона исторіи текста въ. писаній мы не имѣемъ положительныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ, а линь незначительное число непрямыхъ указаний. Съ вѣроятностю можно утверждать только то, что въ тогдашнее отдаленое время письмена имѣли древне-еврейскій характеръ, почти тожественный съ древне-финикійскимъ; что тогда не было еще въ обычай отдѣлять каждое слово отъ слѣдующаго за нимъ какимъ либо знакомъ или опредѣленнымъ пространствомъ, доказательствомъ чему служить то, что въ позднѣйшихъ текстахъ очень нерѣдко встрѣчается неправильное раздѣление словъ. Существовало-ли подраздѣленіе текста на болыше и меныше отдѣлы на подобіе стиховъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ правильного подраздѣленія не было, а если было, то лишь по мѣстамъ и притомъ случайное. Вырочемъ поэтическія книги дѣлились, какъ кажется, на стихи и полустишия; по крайней мѣрѣ такое дѣленіе имѣеть мѣсто во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ, а у другихъ восточныхъ народовъ, какъ напр. у Арабовъ, подобное дѣленіе поэтическихъ произведеній было издревле въ обычай. Одно лишь несомнѣнно можно утверждать относительно древнееврейскаго текста,—это то, что онъ не имѣлъ знаковъ, которые бы обозначали собою гласные звуки, и состоялъ изъ однихъ согласныхъ литеръ; только въ рѣдкихъ и наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ были употребляемы для обозначенія гласныхъ *i* и *y*, *e* и *o* знаки родственныхъ имъ звуковъ *jod* и *vav*; а позднѣе Aleph и He. Затрудненія, которыхъ естественно возникали при чтеніи писаній, вслѣдствіе недостатка гласныхъ знаковъ, были устранимы, въ то время когда еще языкъ не замеръ, живымъ его пониманіемъ, хотя нельзѧ не признать, что такой невокализованный текстъ и тогда долженъ былъ служить

источникомъ очень многихъ недоразумѣній для малоопытныхъ читателей.—О способѣ распространенія и сохраненія текста въ древнее время свѣдѣній рѣшительно нѣть никакихъ. На этотъ счетъ существуютъ лишь предположенія, но такія, съ которыми невозможно согласиться.—Такъ Капеллусъ, Фогель, Эйдехорнъ, де-Ветте и другіе полагаютъ, что еврейскій текстъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ потерпѣлъ не мало поврежденій и искаженій вслѣдствіе небрежности и произвола переписчиковъ и вообще находился въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пока священные ветхозавѣтныя книги не были собраны въ канонъ и не пользовались тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ стали относиться къ нимъ евреи въ позднѣйшее время. Но предположеніе это не имѣть однакоже достаточныхъ основаній. Оно опирается главнымъ образомъ на тѣхъ уклоненіяхъ, которые представляютъ параллельныя мѣста различныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сравниваемыя между собою. Но уклоненія эти никакъ не могутъ быть объяснены небрежностю и произволомъ переписчиковъ и никакъ не свидѣтельствуютъ о поврежденіи свящ.-еврейского текста еще до времени возникновенія ветхозавѣт. канона. Они доказываютъ лишь то, что ветхозавѣтные писатели свободно и самостоятельно пользовались находившимися въ ихъ распоряженіи источниками до тѣхъ поръ, пока въ теократіи было сознаваемо дѣйствіе животворящаго и всѣмъ руководящаго Духа Божія, нимало не сомнѣвались перерабатывать и свои собственные и чужія произведенія сообразно съ потребностями времени.—Капеллусъ, а вслѣдъ за нимъ и его послѣдователи, при разсмотрѣніи параллельныхъ мѣстъ въ ветхозавѣт. писаніяхъ, придерживались слѣдующаго положенія, какъ руководительного критического начала: „только одно изъ двухъ параллельныхъ мѣстъ можетъ быть признано первоначальнымъ подлиннымъ, на другое же затѣмъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на неподлинное, сомнительное“. Но, по справедливому замѣчанію Геферника,⁷⁾ въ этомъ

⁷⁾ Hävern., Einleit. 1, 1 S. 326.

основномъ руководственномъ положеніи перемѣшаны начала критики и экзегетики. Ибо хотя несомнѣнно, что нѣкоторое различіе въ двухъ параллельныхъ мѣстахъ можетъ и должно привести, въ экзегетическомъ отношеніи, къ опредѣленію или болѣе ранняго, или болѣе поздняго или же одновременного происхожденія этихъ мѣсть; но для критики оба чтенія имѣютъ значеніе подлинныхъ, первоначальныхъ и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она имѣеть дѣло съ оригиналами, поелику до времени завершенія канона священ. текстъ и его обработка были свободнымъ дѣломъ теократіи и призванныхъ къ тому богопросвѣщенныхъ людей. И въ этомъ между прочимъ обстоятельствѣ, т. е. въ томъ, что въ обществѣ израильскомъ, управлявшемся самимъ Богомъ, всегда находились богопросвѣщенные мужи—пророки, которые съ тѣмъ и воздвигаемы были Господомъ, чтобы быть стражами дома Израилева (Иса. 52,8) и блюстителями Господнихъ откровеній (Иса. 8,16.); въ этомъ обстоятельствѣ заключалось наилучшее средство къ надлежащему охраненію священнаго текста отъ всякихъ измѣненій и искаженій намѣренныхъ ли, или ненамѣренныхъ. Что же касается лицъ, принявшихъ на себя трудъ собранія свящ. вз. книгъ въ канонъ, то ихъ всего менѣе можно заподозрить хотя бы въ самомъ незначительномъ измѣненіи текста. Что эти лица съ величайшею добросовѣстностью исполнили дѣло собранія,—это видно изъ того общеизвѣстного факта, что они внесли въ канонъ не только найденные ими различные переработки отдѣльныхъ частей текста ⁸⁾, но также и параллельныя мѣста въ разныхъ книгахъ со всѣми находящимися въ нихъ варіантами, разностями и кажущимися противорѣчіями, ⁹⁾—внесли, не позволивъ себѣ никакихъ ис-

⁸⁾ Таковы напр. дважды встрѣчающіеся одни и тѣ же псалмы лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями 13 и 52; 107, 56, 8—12 и 59, 7—14; пс. 17 и 2 Ц. 22. и др.

⁹⁾ Сюда принадлежать всѣ параллельныя мѣста съ одной стороны въ книг. Царствъ, съ другой въ книг. Паралипоменонъ.

правлений, хотя исправления эти могли казаться умѣстными и удобоисполнимыми; чѣмъ собиратели между прочимъ за свидѣтельствовали о своей увѣренности въ совершенней правильности текста священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Новый періодъ въ исторіи вз. подлиннаго текста начинаяется послѣ плѣненія, съ того времени, когда вз. книгамъ усвоенъ былъ канонической авторитетъ, и когда къ нимъ стали относиться, какъ къ писаніямъ священнымъ и заниматься обработкой ихъ съ тщательностью и добросовѣстностью, все болѣе и болѣе возраставшими. Исходнымъ пунктомъ этого періода служать времена Ездры, конечнымъ его предѣломъ—время завершенія талмуда, совпадающее съ концемъ V в. по F. X. Періодъ этотъ можетъ быть названъ домазоретскимъ въ противоположность съ періодомъ послѣдующимъ, известнымъ подъ именемъ мазоретскаго. Въ продолженіе его былъ окончательно установленъ образъ начертанія вз. текста и самый этотъ текстъ, опредѣлены въ главныхъ чертахъ чтеніе и подраздѣленіе этого текста и получила начало значительная часть того критико-экзегетического и грамматического аппарата, который впослѣдствій составилъ содержаніе мазоры. Измѣненіе, относительно вида текста, произшедшее въ домазоретскій періодъ, состояло въ измѣненіи начертанія письменъ. Древнееврейскій шрифтъ, сходный съ древнефиникійскимъ и употреблявшійся евреями до временъ плѣненія, измѣнился мало по малу подъ влияніемъ арамейскаго въ такъ называемый квадратный шрифтъ, известный также подъ названіемъ ассирийскаго. Іудейское сказаніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ талмудѣ и затѣмъ повторяется Оригеномъ и Іеронимомъ, приписываетъ введеніе квадратнаго шрифта или письма Ездрѣ, прямо называетъ его арамейскимъ, и утверждаетъ, что евреи приняли его вместо прежняго, издревле между ними употреблявшагося, предоставивъ этотъ послѣдній лишь самарянамъ. Новѣйшія научныя изысканія (Гезенюса, Гупфельда и др.) подтвердили отчасти это сказаніе, именно они признали за квадратнымъ шрифтомъ арамейское происхожденіе и въ памятникахъ древ-

ияго арамейского письма, сохранившихся въ надписяхъ, найденныхъ въ развалинахъ Пальмиры, указали элементы, изъ которыхъ квадратный шрифтъ могъ развиться. Но въ то же время научные изслѣдованія открыли въ квадратномъ письме не мало элементовъ, характеризующихъ собою и древнееврейскія письмена *). Это привело къ тому выводу, что квадратный шрифтъ не можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ арамейскимъ нѣсколько видоизмѣненнымъ, но что онъ представляетъ собою скорѣе послѣднюю степень развитія шрифта древнееврейскаго, развитія, совершившагося подъ непрерывнымъ вліяніемъ письменъ арамейскихъ. Выводъ этотъ естественно устранилъ и ту часть іудейскаго сказания, что будто квадратный шрифтъ введенъ Ездрою. Развитіе квадратнаго письма конечно могло начаться при Ездрѣ, но прийти къ окончанію должно было спустя не мало времени послѣ этого мужа.

Съ этимъ нельзя не согласиться. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить, чтобы новый способъ начертанія письменъ могъ внезапно замѣнить собою прежній общеизвѣстный и притомъ въ книгахъ, которые должны были находиться въ постоянномъ употреблении. Такая замѣна могла совершиться не иначе, какъ постепенно, въ теченіе довольно значительного періода времени. Но каковъ именно былъ этотъ періодъ, мы не знаемъ, по недостатку положительныхъ данныхъ. Извѣстно лишь, что въ концѣ IV в. предъ Р. Х. самаряне приняли отъ евреевъ вмѣстѣ съ пятикнижіемъ и древнееврейскій способъ начертанія письменъ, который, слѣдовательно, былъ тогда между евреями уже въ употреблении; известно также, что этотъ способъ начертанія употреблялся и въ періодъ макавейской на монетахъ и слѣдовательно, въ тотъ періодъ не былъ чуждъ народу ¹⁰⁾). Во

*) См. прилагаемую таблицу древнихъ письменъ.

¹⁰⁾ Древнееврейскія письмена находятся на монетахъ, чеканныхъ при Йонаѳанѣ, Симонѣ, Александрѣ, Антигонѣ и Ганіке. На монетахъ, сохранившихся до насъ отъ временъ названныхъ правителей встречаются почти всѣ літеры еврейскаго алфавита (за исключениемъ трехъ).

Пасічка Орігінального писанням знаків

ДРЕВНІЕ ГРЕЧ.	ФІНИК.	ЄВРЕЙСЬКІ ДРЕВНІ МОНЕТИ	САМАРИТ.	НАЛЬМІРСЬК ХАЦЕНІСЬКА
Δ	★	★ X F	Φ	ח
Β	◊	ء ְ	ב	בְּ
Γ	/	ג	גְּ	גְּ
Δ	Δ	אָ	טְ	טְּ
Ξ	Ξ	אֵ	אֵ	אֵ
Φ	· 7	תִּ	תִּ	תִּ
Σ	Σ	וִ	וִ	וִ
Η	Η	הַ	הַ	הַ
Ω	Ω		וְ	וְ
{	Δ	אַ	תַּ	תַּ
Κ	†	אָ	תְּ	תְּ
Λ	Λ	תִּ	תִּ	תִּ
Ν	Ν	עַ	עַ	עַ
Υ	Υ	עֵ	עֵ	עֵ
Ζ	Ζ	עֶ	עֶ	עֶ
Ο	Ο	וֹ	וֹ	וֹ
Γ	Γ	וִ	וִ	וִ
Ρ	Ρ	זִ	זִ	זִ
Ω	Ω	רִ	רִ	רִ
Ι	Ι	תִּ	תִּ	תִּ
Μ	Μ	וּ	וּ	וּ
Τ	Τ	תְּ	תְּ	תְּ

всякомъ, вирочемъ, случаѣ несомнѣнно, что во времена Христа Спасителя переходъ древнееврейскаго шрифта въ квадратный уже совершился. Подтверждениемъ этого могутъ служить слѣдующія слова Спасителя: ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все (Мѳ. 5, 18). Здѣсь іотъ названъ малѣйшой буквою алфавита, какою онъ и является, именно въ квадратномъ письмѣ; здѣсь упоминается о черточкахъ или небольшихъ рожкахъ, которые начертываются на верхнихъ оконечностяхъ нѣкоторыхъ буквъ квадратнаго шрифта. Шрифтъ этотъ во времена Оригена разсматривался уже какъ нѣчто древнее и приписывался Ездрѣ; слѣдовательно былъ тогда вполнѣ и уже издавна завершенъ. Описанія же нѣкоторыхъ отдельныхъ мѣстъ, какія даютъ намъ Іеронимъ и талмудъ, совершенно соответствуютъ тѣмъ формамъ, которыя эти литеры имѣютъ и въ современныхъ еврейскихъ рукописяхъ. На основаніи приведенныхъ фактовъ мы въ правѣ заключить, что письмена свящ. вз. текста окончательно отлились въ формы квадратнаго шрифта въ началѣ христіанской эры. Такъ дѣйствительно и должно было быть. Ибо мы знаемъ, что вскорѣ по разрушенію Іерусалима, между юдеями развилась мелочная мертвенная обрядность, привязанность къ буквѣ писаній въ собственномъ смыслѣ; а это, конечно, должно было неминуемо положить предѣлъ дальнѣйшему развитію квадратнаго письма; знаемъ далѣе, что Талмудъ, который началъ слагаться съ того времени, старался возводить на степень закона то, что ранѣе было лишь обычаемъ, вслѣдствіе чего и составилъ, между прочимъ, подробныя правила относительно каллиграфіи и сдѣлалъ ихъ для всѣхъ евреевъ обязательными ¹¹⁾). Въ силу этихъ-то обязательныхъ правилъ квадратное письмо, какимъ было въ тѣ отдаленные времена, такимъ осталось и до настоящаго времени, притомъ повсюду,

¹¹⁾ Всѣ эти правила изложены главнымъ образомъ въ одномъ изъ дополнительныхъ трактатовъ талмуда, известномъ подъ именемъ соферимъ.

гдѣ только живетъ еврейское племя. И потому, какъ бы мы тщательно ни сличали еврейскія рукописи различныхъ временъ и странъ, мы не найдемъ въ нихъ значительныхъ разностей, что нисколько не удивительно при изумительной подробности каллиграфическихъ правилъ талмуда¹²⁾.

Изъ того глубокаго уваженія, какимъ свящ. книги пользовались въ рассматриваемый періодъ между евреями, естественно должна была выгечь необходимость самой тщательной ихъ обработки, и прежде всего необходимость критической проверки и прочнаго установленія текста, такъ чтобы онъ своими начертаніями, выражалъ тотъ именно смыслъ, который имѣли въ виду свящ. писатели, и навсегда быть обезопашенъ отъ

¹²⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ о способѣ и времени замѣны древнееврейскаго письма письмомъ квадратнымъ — вопросъ спорный и нерѣшенный окончательно. Такъ наприм. Блекъ считаетъ совершенно неправильнымъ то мнѣніе, будто квадратное письмо составляетъ послѣднюю ступень развитія древнееврейскаго шрифта, — развитія совершившагося подъ вліяніемъ шрифта арамейскаго, и что будто развитіе это было закончено ко временамъ Христа Спасителя. Блекъ вполнѣ полагается на правильность свидѣтельствъ Талмуда и все дѣло представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: по соображеніямъ Блека въ глубокой древности у всѣхъ народовъ семитскаго племени существовалъ одинаковый способъ начертанія письменъ, одинъ шрифтъ. Но шрифтъ этотъ съ теченіемъ времени оразнообразился и въ различныхъ странахъ области семитовъ получилъ различный характеръ, и именно: характеръ финикійскій или древнееврейскій въ западной половинѣ названной области, и арамейскій или вавилонскій характеръ въ половинѣ восточной. Ко временамъ вавилонскаго плененія эти двѣ вѣтви одного первобытнаго семитскаго шрифта значительно уклонились одна отъ другой и составили два особые шрифта, такъ что для того, кто былъ знакомъ съ однимъ, другой былъ совершенно чуждыемъ. Такимъ именно и былъ для евреевъ арамейскій шрифтъ, когда они, въ качествѣ плѣнниковъ, впервые пришли въ Вавилонъ. Однакоже вслѣдствіе продолжительного пребыванія въ Вавилонѣ евреи усвоили какъ арамейскій діалектъ, такъ и арамей-

измѣненія и искаженія. Какъ легко вкрасться ошибкамъ въ книги при ихъ перепискѣ, несмотря на всю добросовѣстность переписчиковъ, и какъ легко умножиться этимъ ошибкамъ вслѣдствіе поврежденія рукописей,—это доказываетъ исторія литературы всѣхъ народовъ. Могли конечно вкрасться ошибки и въ рукописи вз. свящ. книги, собранныя въ канонъ, употреблялись при Богослуженіи, и ими пользовались, какъ единственнымъ источникомъ гражданскихъ правъ, вѣроученія и нравоученія для цѣлаго еврейского об-
щества.

Арамейский шрифтъ. Этотъ послѣдній принесли они, по возвращеніи изъ плѣна, въ отчество и его письменами воспользовался Ездра, при начертаніи новыхъ списковъ священныхъ книгъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ умноженія священныхъ рукописей, арамейскій шрифтъ нѣсколько видоизмѣнился, именно, благодаря тщательности еврейскихъ каллиграфовъ, принялъ правильную, изящную форму квадратного цисъма. Впрочемъ арамейское письмо послѣ плѣненія не тотчасъ же и не повсемѣстно замѣнило собою письмо древнееврейское. Напротивъ, это послѣднее продолжало не малое время существовать у евреевъ, жившихъ во время вавилонскаго плѣна и ранѣе его въ Египтѣ и не имѣвшихъ поводовъ усвоить шрифтъ арамейскій, далѣе у самарянъ, навсегда притомъ сохранившихъ его за собой, и наконецъ, даже у евреевъ палестинскихъ, такъ какъ известная часть ихъ не была подвергнута тягостямъ далекаго плѣна и оставалась въ отечествѣ, вслѣдствіе чего сохранила вмѣстѣ съ древнееврейскимъ языкомъ и древнееврейское письмо. Трудно решить, какой изъ несогласныхъ между собою взглядовъ на способъ и время замѣны квадратнымъ шрифтомъ шрифта древнееврейскаго наиболѣе близокъ къ истинѣ. Каждый изъ нихъ имѣеть несомнѣнныя основанія, но въ то же время каждый изъ нихъ имѣеть и свои слабыя стороны — необходимое слѣдствіе крайняго недостатка въ положительныхъ данныхъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что до временъ вавилонскаго плѣна вз. свящ. книги начертывались шрифтомъ древнееврейскимъ, употреблявшимся самими свящ. писателями, послѣ же плѣна для ихъ начертанія стали употреблять шрифтъ квадратный, окончательно установившійся и замѣнивший собою шрифтъ древнееврейскій ко временамъ Христа Спасителя.

щества; то конечно необходимо было обратить внимание и на разности, которые могли быть въ рукописяхъ, находившихся въ обращеніи, естественно должна была возникнуть потребность въ правильномъ, критически опредѣленномъ текстѣ.

Ученые занятія текстомъ писаній начались вѣроятно еще во времена Ездры. Самъ Ездрѣ считался своими современниками и дѣйствительно былъ великимъ законникомъ и книжникомъ. Явившись изъ Вавилона въ Іерусалимъ съ цѣлію утвердить народъ въ законѣ, онъ конечно не ограничился изложеніемъ закона и проведеніемъ его началъ въ жизнь общества. Вѣроятно онъ, вмѣстѣ съ лицами, помогавшими ему въ его трудахъ, занимался и текстомъ закона, его критическимъ опредѣленіемъ, что подтверждается продолжительнымъ, 13-ти лѣтнимъ удаленіемъ этого мужа отъ общественной дѣятельности; вѣроятно также, что на ряду съ закономъ было обращено вниманіе на текстъ другихъ священныхъ книгъ. По преданію, сохраненному въ талмудѣ, во времена Ездры между іudeями существовала и послѣ него процвѣтала такъ называемая великая синагога ¹³⁾). Ученымъ членамъ этой синагоги,

¹³⁾ Свѣдѣнія о великой синагогѣ заключаются въ талмудѣ и другихъ сочиненіяхъ іудейскихъ раввиновъ. По талмуду великую синагогу составляло общество свѣдущихъ въ законѣ мужей, которые стояли во главѣ іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна вавилонскаго въ Палестину. Задачею этихъ мужей было служить представителями и хранителями отеческихъ религіозныхъ преданій, среди своихъ соотечественниковъ, дать имъ новую церковную и гражданскую организацію, и, какъ выражается талмудъ, снова возстановить величие Бога, или возвратить прежнее значеніе тремъ Божественнымъ предикатамъ, исчисляемымъ между прочимъ Второз. 10, 17, именно предикатамъ: великий, сильный и страшный. Ездрѣ хотя и не былъ основателемъ великой синагоги, но въ свое время былъ ея главою. Къ великой синагогѣ принадлежали, во времена Ездры, Іисусъ, Зоравель (Ездр. 2, 2), Захарія, Аггей и даже Даниилъ вмѣстѣ съ тремя известными его сверстниками, а послѣ Ездры— Малахія, Мардохей и др. При всей многочисленности указаній

названнымъ въ талмудѣ „соферимъ“ (книжники) нельзя также не приписать дѣятельного участія въ дѣлѣ критического опредѣленія вз. текста. Ихъ задачею могло быть устраненіе неправильностей и разностей, имѣвшихъ быть можетъ, мѣсто въ текстѣ палестинскихъ библейскихъ рукописей. Но во всякомъ случаѣ этимъ соферимъ никакъ нельзя усвоить заслуги окончательнаго установленія текста во всѣхъ подробностяхъ, какъ это усвояется имъ въ талмудѣ. Полное опредѣленіе невокализованнаго текста, состоящаго изъ однихъ согласныхъ літеръ,— дѣло далеко не легкое и не малосложное. Оно требуетъ пред-

талмуда на великую синагогу, онъ не даетъ о ней яснаго и опредѣленнаго понятія. Судя по главному свидѣтельству талмуда обѣ этой синагогѣ Р. Аѣ. 1, 1. нужно думать, что входившіе въ ея составъ мужи жили не одновременно, но составляли собою непрерывный рядъ лицъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ, начиная съ Моисея и Іисуса Н. и кончая послѣднимъ членомъ этого ряда — Симономъ праведнымъ, сыномъ и преемникомъ первосвященника Оніи (ок. 300 г. до Р. Х.) Потому-то въ другомъ мѣстѣ талмуда замѣчено, что во время существованія великой синагоги Израиль постепенно богатѣлъ, а потомъ постепенно становился бѣднымъ. Въ талмудѣ мужамъ великой синагоги усвояются постановленія относительно молитвъ, жертвоприношеній, даровъ въ храмъ, праздниковъ и пр., а также объясненіе закона, труды по составленію вз. канона, заботы о сохраненіи въ неизмѣнномъ видѣ вз. текста и под. Членовъ великой синагоги было, по талмуду, 120. Вслѣдствіе неясности, неопредѣленности и противорѣчія между собою свѣдѣній, которыхъ талмудъ сообщаетъ о великой синагогѣ, и новѣйшіе ученые придерживаются на нее различныхъ воззрѣній. Такъ напр. между прочимъ де-Ветте полагаетъ, что великая синагога не иное что, какъ вымыселъ раввиновъ, которымъ хотѣлось придать авторитетъ своимъ многочисленнымъ постановленіямъ и убѣдить народъ, что эти постановленія придуманы не ими самими, а почерпнуты изъ несомнѣнно истиннаго, восходящаго ко временамъ Моисея, преданія. Другие, какъ напр. Браунъ, Герцфельдъ утверждаютъ, что великая синагога существовала, но была верховнымъ іудейскимъ судилищемъ, тѣмъ же чѣмъ впослѣдствіи былъ великий синедріонъ,

варительныхъ, и притомъ серьезныхъ экзегетическихъ и грамматическихъ работы и можетъ идти успешно лишь съ установлениемъ правильного чтенія и пониманія текста; такимъ образомъ оно скорѣе должно быть признано дѣломъ цѣлаго послѣдовательнаго ряда ученыхъ. И свидѣтельство объ этомъ даютъ намъ древнійшія критическія пособія относительно свящ. еврейскаго текста, именно самарянско-еврейское, пятикнижіе и переводъ LXX. Изъ этихъ документовъ видно, что во времія ихъ возникновенія, свящ. еврейскій текстъ въ рукописяхъ былъ опредѣленъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не такъ, какъ это

такъ часто упоминаемый въ Евангеліи. Впрочемъ ученые, специальнѣо занимавшіеся изученіемъ позднѣйшей послѣ-пѣнной исторії іудеевъ, каковы между прочимъ Эвальдъ и Іостъ, видятъ историческую основу въ талмудическихъ и раввинскихъ сказаніяхъ о великой синагогѣ и признаютъ несомнѣннымъ, что дѣйствительно въ промежутокъ времени, начиная съ прекращенія пророчества и кончая греческимъ періодомъ (временами Александра Македонскаго) во главѣ палестинскаго общества іудеевъ, и преимущественно во главѣ его религіозной жизни, стояли мужи, которые были хранителями древнаго теократического преданія. Этими мужамъ обязаны были своимъ возникновеніемъ учрежденія, имѣвшія цѣлію не только хранить законъ въ неизмѣнномъ видѣ и знакомить съ нимъ народъ, но и проводить начала закона во всѣ отрасли народной жизни. Общество этихъ мужей, преемственно дѣйствовавшихъ въ продолженіе означенного времени, было въ послѣдствій названо великою синагогою по причинѣ авторитета, которымъ оно пользовалось какъ въ богослужебныхъ собраніяхъ народа, приходившаго въ Іерусалимъ, такъ и въ синагогахъ, существовавшихъ въ странѣ. Общество это не было однакоже обществомъ, однажды навсегда организованнымъ на извѣстныхъ опредѣленныхъ началахъ. Скорѣе это былъ свободный союзъ замѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ людей, которые обладали основательнымъ знаніемъ закона, посвящали свое вниманіе и труды охраненію и поддержанію религіозной жизни народа и его богослуженія и были сходны между собою по образу мыслей и характеру дѣятельности. Троекаго рода дѣятельность прославила этихъ мужей; именно они были истолкователями

находимъ мы въ рукописяхъ, и печатныхъ изданіяхъ мазоретскаго текста. Правда, считается вполнѣ доказаннымъ, что уклоненія самаританскаго пятокнижія и перевода 1.XX отъ настоящаго мазоретскаго текста обусловились въ большинствѣ случаевъ произвольными, некритическими отступленіями отъ оригинала; но въ то же время въ нихъ не мало находится и такихъ уклоненій, которые могутъ быть удовлетворительно объяснены лишь дѣйствительными варіантами въ оригиналѣ текста. А это естественно приводить къ заключенію, что тогда различныя чтенія въ еврейскихъ рукописяхъ библіи были довольно обыкновеннымъ явленіемъ, и устраниены лишь въ позднѣйшее время палестинскими учеными путемъ болѣе точной и тщательной обработки текста. Такимъ образомъ мы въправѣ предположить, что критическая обработка текста съ цѣллю окончательнаго его опредѣленія совершилась не малое время и если въ главныхъ чертахъ она и была выполнена соферимами, то опредѣленіемъ частностей текста занимались много спустя послѣ нихъ. Во всякомъ впрочемъ случаѣ ко временамъ христианства еврейскій вз. текстъ былъ установленъ. Это достаточно подтверждается таргумами¹¹⁾ Онкелоса и Іонаѳана и наи-

и проповѣдниками закона въ обширномъ кругу народныхъ богослужебныхъ соборій и въ этомъ отношенія дѣятельность ихъ послужила образцемъ для позднѣйшаго богослуженія въ синагогахъ; затѣмъ они были учителями закона въ болѣе тѣсномъ школьнѣмъ кругу, причемъ трудились между прочимъ надъ обработкой свящ. вз. текста; наконецъ знаменитѣйшіе изъ нихъ входили въ составъ судилища въ Іерусалимѣ и такъ обр. были судіями. Нужно однаже замѣтить, что всѣ эти роды дѣятельности были тѣсно связаны между собою, не исключая и послѣдняго: ибо и судъ надъ іудеями совершался на основаніи Моисеева закона (Leyrer, die grosse Synagoge См. Real-Encykl., Bd. 15. S. 296—299.)

¹¹⁾ Thargum, Thargumim (отъ thargem переводить истолковывать) означаетъ и переводъ текста и вмѣстѣ его объясненіе. Именемъ таргумовъ называютъ обыкновенно халдейскіе переводы вз. свящ. книгъ, имѣющіе ту особенность, что въ нихъ на ряду съ дослов-

болѣе точными греческими переводами, возникшими во 2-мъ вѣкѣ христіанской эры, каковы переводы Феодотіона, и особенно Акилы. Какъ въ таргумахъ, такъ и въ названныхъ греческихъ переводахъ мы почти не встрѣчаемъ разностей съ тѣперешнимъ мазоретскимъ текстомъ. Что же касается талмуда, то въ немъ основной, состоящій изъ согласныхъ литеръ, текстъ вѣ. библіи является вполнѣ устоявшимся и неизмѣннымъ; его установление признается тамъ дѣломъ отдаленной древности, и даже возводится ко временамъ Моисея.—Дѣло критической обработки и установленія вѣ. текста было несомнѣнно совершаemo со всевозможной добросовѣстностью. За это достаточно ручается необыкновенное, доходившее почти до суевѣрія, уваженіе іudeевъ къ священнымъ книгамъ и ихъ буквѣ. И дѣйствительно въ вѣ. текстѣ, обработанномъ и установленномъ іудейскими учеными, соблюдены всѣ особенности отдѣльныхъ письмъ.

Ной передачей подлиннаго текста встрѣчаются перифразировки известныхъ мѣсть, по преимуществу темныхъ и трудныхъ для уразумѣнія, а отчасти и изъясненія содержанія текста. Поводомъ къ возникновенію таргумовъ послужилъ со временемъ еще Ездры начавшій обычай—читать народу священные книги съ присовокупленіемъ халдейскаго перевода и толкованія (первый намекъ на этотъ обычай мы встрѣчаемъ Неем. 8, 8). Обычай этотъ былъ, какъ кажется, вызванъ необходимостію, поелику по возвращеніи изъ плѣна, народъ, въ своей непросвѣщенной и слѣд. наибольшей части, вѣроятно говорилъ по-арамейски и не могъ надлежащимъ образомъ понимать своего прежняго еврейскаго языка, на которомъ были написаны священные книги (см. Zung, die gottesdienste. Vortr. d. Iuden, S. 8). Сначала писанныхъ таргумовъ не существовало: переводъ свящ. текста и его толкованіе было свободнымъ дѣломъ предназначавшихся къ тому лицъ. Но такая свобода могла приводить и конечно приводила къ злоупотребленіямъ. Эта свобода и связанныя съ нею злоупотребленія естественно должны были пробудить потребность въ таргумахъ писанныхъ, составленныхъ по известнымъ правиламъ, которые съ теченіемъ времени постепенно вырабатывались и становились болѣе и болѣе опредѣленными. Къ

сателей, отдельныхъ книгъ и различныхъ временъ, архаизмы, идиотизмы, местные диалектические оттенки, такъ что нельзя не видѣть, какъ далеки были іудейскіе критики отъ намѣренныхъ и произвольныхъ измѣненій текста, отъ стремленій придать ему однообразный характеръ.—При установлениі текста іудейскіе ученые, вѣроятно, руководствовались сличеніемъ рукописей. По крайней мѣрѣ указаніе на сличеніе рукописей (единственное, впрочемъ, и не вполнѣ удовлетворительное) мы находимъ въ трактатѣ *Taanith* іерусалимскаго талмуда. Изъ упоминаемаго въ названномъ трактатѣ факта видно, что, въ случаѣ разныхъ чтеній известнаго мѣста, лицами, занимавшимися сличеніемъ, было обращаемо вниманіе на то, во сколькихъ, находившихся у нихъ подъ руками, рукописяхъ это мѣсто читалось одинаково; при чемъ правильнымъ признавалось чтеніе, находившееся въ большемъ числѣ рукописей, чтеніе же, наход-

составленію писанныхъ таргумовъ на арамейскомъ нарѣчіи для общества, говорившаго по-арамейски, могло побудить и то обстоятельство, что іудеи—эллинисты имѣли уже свящ. книги на доступномъ имъ греческомъ языке.—Изъ древнѣйшихъ писанныхъ таргумовъ, дошедшихъ до нашего времени, наиболѣе известны таргумы Онкелоса и Іонаѳана.—Свѣдѣнія о лицѣ Онкелоса и времени, въ которое онъ жилъ, заключающіяся въ талмудѣ, разногласятся между собою. Вѣроятнѣйшими изъ нихъ признаются тѣ (Volek, Thargumim. см. Real-Encykл. Bd. 15 S. 673), по которымъ Онкелосъ былъ ученикомъ и другомъ Гамаліила старшаго, бывшаго учителемъ ап. Павла (Дѣян. 22, 3, ср. 5, 34 и дал.), и умершаго не задолго до разрушенія Іерусалима. Онкелосу принадлежитъ таргумъ на пятокнижіе. Переводъ въ этомъ таргумѣ очень точенъ и не представляетъ такихъ уклоненій отъ подлинника, которыхъ можно бы было назвать значительными; перифразировка строго соответствуетъ смыслу текста и не страдаетъ сторонними прибавленіями. Такія прибавленія встрѣчаются лишь въ поэтическихъ частяхъ пятокнижія, но и то некоторые изъ нихъ могутъ быть признаны позднѣйшими вставками (Keil, Einleit., S. 559, прим. 5). Въ своихъ перифразахъ Онкелосъ, правда, находится иногда подъ влияніемъ

дившееся въ меньшемъ, отвергалось какъ неправильное¹³⁾). Но если іудейские ученые, при опредѣлениі и установлениі вз-текста, и обращались къ сличенію рукописей, то о количест-вѣ и качествѣ этихъ послѣднихъ мы ничего не знаемъ. Мож-но однако думать, что если въ находившихся въ ихъ распо-

доматическихъ идея своего времени, выражавшихся между прочимъ въ его мессіанскихъ идеяхъ и въ устраниеніи имъ антропоморфиз-мовъ; но въ подобныхъ случаяхъ Онкелосъ является очень сдер-жаннымъ, его догматическая представленія просты, не носятъ окра-ски позднѣйшихъ іудейскихъ возврѣній. Таргумъ Онкелоса напечата-танъ между прочимъ въ антверпенской, парижской и лондонской полиглоттахъ.—По преданію раввиновъ, сохраненному въ талмудѣ, Іонаѳанъ, сынъ Узиловъ, былъ одинъ изъ 80 учениковъ Гилела. Если вѣрить этому преданію, то Іонаѳанъ жилъ ранѣе Онкелоса. Съ именемъ Іонаѳана известенъ таргумъ на книги историческія (І. Навіна, Судей, Царствъ) и пророческія. Переводъ въ таргумѣ Іонаѳана отличается большею перифразировкою подлиннаго текста и менышею простотою, нежели въ таргумѣ Онкелоса. Уже по отно-шенію къ книгамъ исторического содержанія Іонаѳанъ является не рѣдко истолкователемъ; что жѣ касается книгъ собственно про-роческихъ, то почти на всѣ эти книги онъ даётъ истолкованіе. На основаніи нѣкоторыхъ религіозныхъ представлений, а также раввин-скихъ сказаній и легендъ, встречающихся въ таргумѣ Іонаѳана, нѣкоторые изъ ученыхъ (Моринусъ, Эйххорнъ, Янъ, Фолькъ) счи-таютъ этотъ таргумъ по времени происхожденія позднѣйшимъ, не-жели таргумъ Онкелосовъ. Кейль однакоже признаетъ этотъ выводъ несостоятельнымъ, находя возможнымъ отнести къ числу вставокъ нѣкоторая изъ мѣсть, указывающихъ на позднѣйшія времена (Keil, Einleit. S. 560 и 561; прим. 6). Іонаѳановъ таргумъ, какъ и Онке-лосовъ, напечатанъ въ полиглоттахъ антверпенской, парижской и лондонской.

¹³⁾ Taanith fol. 68. 1: Tres libros invenerunt in atrio, librum שׁוּם, librum שׁוּם, librum נִתְּהָ: in uno invenerunt scriptum תְּמִימָן (Deut. 33, 27), in duobus תְּמִימָן et approbantes duos, re-jecerunt unum. In uno invenerunt scriptum... etc. См. Keil, Einleit., S. 595. (Zweit. Aufl.).

раженіи древнихъ рукописяхъ существовали ошибки, что они
легко могли быть приняты иувѣковѣчены. Это, какъ кажется,
и было дѣйствительно; почему новѣйшая критика и признаетъ
за подлиннымъ еврейскимъ текстомъ лишь относительное, но
никакъ не абсолютное совершенство и считаетъ необходимымъ
при изученіи вз. писаній обращаться и къ другимъ критиче-
скимъ пособіямъ, какъ напр. къ древнѣйшимъ переводамъ. Кро-
мѣ сличенія рукописей, древніе іудейскіе ученые при устано-
влении текста пользовались, вѣроятно и критическимъ аппара-
томъ, или сводомъ различныхъ критическихъ замѣчаній отно-
сительно свящ. текста. Начало этому критическому аппарату
было положено—какъ можно думать—ещѣ древними соферимъ,
или мужами великой синагоги. Къ сожалѣнію о немъ мы зна-
емъ весьма немногое. Правда, въ мазорѣ сохранены нѣкоторые
его остатки, но они такъ перемѣшаны съ позднѣйшимъ кри-
тическимъ материаломъ, что ихъ невозможно выдѣлить. Кромѣ
мазоры, указанія на нѣкоторая древнія критическая примѣча-
нія къ тексту мы находимъ въ талмудѣ. И благодаря этимъ
лишь указаніямъ, мы имѣемъ возможность узнать нѣчто о томъ
kritическомъ пособіи, которымъ іудейскіе ученые могли руко-
водствоваться при установлении вз. текста. Въ талмудѣ указа-
ны три составные части древняго критико-экзегетического
аппаратата, какъ хорошо уже известныя талмудистамъ и отно-
симыя ими къ глубокой древности. Именно, въ немъ говорят-
ся во 1-хъ о словахъ, которыя слѣдуетъ читать, но которыя не
записаны въ текстѣ, (**קְרִי וְלֹא בְּתִיבָּ**) во 2-хъ о словахъ, ко-
торыя не слѣдуетъ читать, хотя въ текстѣ они и значатся,
(בְּתִיבָּ וְלֹא קְרִי) въ 3-хъ о словахъ, находящихся въ
текстѣ, которыя слѣдуетъ читать иначе, нежели какъ они въ
текстѣ начертаны: (**קְרִי וּבְתִיבָּ**). Всѣ эти составные части
древняго критического аппарата имѣютъ въ большинствѣ слу-
чаевъ лишь экзегетическое значеніе, ихъ цѣль—облегчить пони-
маніе писаній; но нѣкоторыя мѣста въ нихъ содержатъ, какъ
кажется, и дѣйствительные варіанты и основываются не на од-
нихъ догадкахъ, а на сличеніи рукописей, что отчасти под-

тврждается древними иереводами. Быть можетъ, изъ древняго критического аппарата сохранилось бы до нашего времени гораздо болѣе, если бы онъ, по мѣрѣ возникновенія, былъ записываемъ. Но въ періодѣ, о которомъ у насъ рѣчь, этотъ аппаратъ, какъ и все вообще относящееся къ тексту, сохранилось, по большей части, путемъ устнаго преданія.

Рука объ руку съ опредѣленіемъ вз. текста въ его основныхъ согласныхъ литерахъ шло и опредѣленіе способа его чтенія, или образованіе вокализаціи. Было уже упомянуто о томъ, что древній доканонической текстъ в. завѣта не имѣлъ знаковъ для обозначенія гласныхъ звуковъ. Не озабочились присоединеніемъ къ тексту какъ этихъ знаковъ, такъ и другихъ, служащихъ теперь къ объясненію членій, и мужи великой синагоги. Даже въ разматриваемый нами періодъ до самаго завершенія талмуда текстъ свящ. евр. книгъ остался непунктированнымъ. Доказательствъ тому не мало. Такъ всѣ древніе переводы и особенно греческіе расходятся въ членіи библейскихъ словъ и произнесеніи гласныхъ звуковъ съ настоящимъ мазоретскимъ текстомъ, и расходятся настолько значительно, что представляется немыслимымъ, чтобы переводчики имѣли подъ руками пунктированный подлинный текстъ. Попытка же доказать, что переводчики намѣренно и произвольно уклонялись отъ подлинника, устраивается тѣмъ, что значительныя уклоненія встрѣчаются не у одного или двухъ, а у всѣхъ переводчиковъ. Точно также и еврейскій текстъ, помѣщенный Оригеномъ въ его гекзамлахъ, представляеть не малая разности съ текстомъ мазоретскимъ относительно членія.—Далѣе—Іеронимъ, который въ своихъ трудахъ по св. писанию в. завѣта не мало помѣстилъ критико-филологическихъ и ореографическихъ замѣтокъ, ничего не зналъ о вокализаціи. Наконецъ, что касается талмуда, то въ немъ талмудисты повсюду предполагаютъ текстъ непунктированный и не упоминаютъ ни объ одномъ знакѣ, который бы употреблялся для облегченія членія. Талмудисты даже возвели въ законъ древній обычай начертанія текста. Потому-то и теперь священные рукописи ев-

реевъ, употребляющіяся въ синагогахъ, не имѣютъ пунктаціи. Такимъ образомъ несомнѣнно, что настоящая система пунктації вз. текста по своему возникновенію позднѣе времени завершенія талмуда. Но изъ сказанного не слѣдуетъ, чтобы въ періодъ, нами разматриваемый, чтеніе согласныхъ литеръ вз. текста было предоставлено свободѣ каждого и не было еще установлено. Напротивъ, въ это время вмѣстѣ съ опредѣленіемъ текста писанного образовывался *постепенное* и опредѣленный способъ его чтенія и пониманія. Такъ переводъ LXX, хотя и значительно уклоняется по мѣстамъ отъ мазоретскаго текста относительно чтенія, но въ то же время по большей части сходится съ нимъ и притомъ въ наиболѣе затруднительныхъ и неопределенныхъ по смыслу мѣстахъ, изъ чего слѣдуетъ, что во время возникновенія этого перевода, существовало уже преданіе относительно чтенія и пониманія текста, хотя оно, быть можетъ, и не опредѣлило еще всѣхъ частностей. Что касается таргумовъ, возникшихъ въ средѣ палестинскихъ ученыхъ, то они уже очень рѣдко уклоняются отъ нынѣшняго мазоретскаго текста въ чтеніи и пониманіи свящ. книгъ и так. обр. доказываютъ, что къ началу христіанства экзегетическое преданіе было уже довольно твердо. Позднѣе Іеронимъ постоянно ссылался при чтеніи евр. подлинника на это преданіе, выставляя его какъ авторитетъ въ противоположность греческимъ переводамъ и вообще очень мало отступая отъ чтенія мазоретскаго. И въ талмудѣ, несмотря на то, что въ нѣмъ нѣть упоминанія о какихъ либо знакахъ, облегчающихъ чтеніе текста, правильный образъ его чтенія предполагается уже совершенно извѣстнымъ и окончательно опредѣленнымъ. Такъ обр. задолго до конца разматриваемаго періода опредѣленное чтеніе не пунктированного текста вполнѣ установилось. Но нужно замѣтить, что знаки, опредѣляющіе теперь это чтеніе не были тогда изобрѣтены, не были преданы письмени, хотя быть можетъ іудейскіе ученые въ своихъ домашнихъ рукописяхъ и употребляли какую либо пунктацію для облегченія памяти.

(Продолженіе будетъ).

Н. Е.

Краткій очеркъ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста.

*(Продолженіе *).*

Въ разматриваемый нами домазоретскій періодъ исторіи вз. текста совершилось раздѣленіе текста на слова, стихи и большия отдѣлы, на подобіе главъ. Что касается раздѣленія свящ. текста на слова и окончательного установленія этого раздѣленія, то оно совершилось въ очень раннее время. Въ доказательство этого можно указать между прочимъ на самарянское пятикнижіе, въ которомъ каждое слово отдѣлено отъ слѣдующаго за нимъ точкою. Таргумы почти вездѣ согласны съ теперешнимъ мазоретскимъ словораздѣленіемъ. Квадратный шрифтъ съ его конечными литерами ¹⁾), вполнѣ сходившійся въ началѣ христіанской эры, даетъ видѣть, что словораздѣленіе въ текстѣ опредѣлилось „внѣшимъ образомъ“. Въ талмудѣ словораздѣленіе представляется вполнѣ установленвшимся. Талмудъ даетъ правило о томъ, каково должно быть пустое пространство между отдѣльными словами; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ свящ. книгъ, употребляющихся въ синагогахъ, хотя нѣтъ вокализаціи, но слова отдѣляются одно отъ другаго известными пространствами. То наконецъ обстоя-

^{*}) См. „Чтенія“ авг. 1873.

¹⁾ Нѣкоторыя литеры въ еврейскомъ квадратномъ шрифтѣ имѣютъ въ концахъ словъ отличное отъ обыкновенного, протяженное начертаніе.

тельство, что нѣкоторыя замѣчанія мазоретовъ имѣютъ цѣлію улучшить словораздѣленіе, основанное на преданіи, свидѣтельствуетъ о древности раздѣленія словъ въ священномъ вз. текстѣ.

Относительно раздѣленія свящ. текста по смыслу, на большія или меньшія отдѣленія, на подобіе нашихъ стиховъ и главъ, можно сказать слѣдующее.

Въ поэтическихъ частяхъ свящ. текста тѣсно связанные между собою паралельные члены, выражавшіе извѣстную мысль, а иногда и каждый изъ этихъ членовъ стихотворной рѣчи, издревле были раздѣляемы въ рукописяхъ—или пустыми, оставляемыми въ строкѣ, пространствами, или тѣмъ, что писались съ новой строки. Вероятно, что такое дѣленіе было производимо самими свящ. писателями, по крайней мѣрѣ въ алфавитныхъ пѣсняхъ; и во всякомъ случаѣ такой способъ начертанія свящ. вз. текста сдѣлался общеупотребительнымъ съ самого ранняго времени, съ начала разматриваемаго нами периода. О подраздѣленіяхъ или стихахъ въ поэтич. вз. текстѣ упоминаютъ Филонъ и Флавій; о нихъ говорить бл. Іеронимъ. Вообще отцы церкви смотрѣли на обычай раздѣлять поэтическій вз. текстъ на стихи, какъ на древнѣйшій, изначальный. Талмудъ говоритъ о малыхъ отдѣлахъ или стихахъ въ кн. и псалмахъ, называя ихъ פְּסֻקִים (pesukim) т. е. отдѣленіями, или собственно, частями предложенія (pesukim соотвѣтств. греч. и лат. Кόμιта, caesae), и даже даетъ предписаніе относительно начертанія стихами нѣкоторыхъ поэтическихъ отрывковъ въ прозаическихъ книгахъ, каковы Исх. 15; Второз. 32; Суд. 5; 2 Ц. 22, вслѣдствіе этого и до селѣ въ названныхъ отрывкахъ стихи отдѣляются одинъ отъ другаго пустыми пространствами, при томъ не только въ рукописяхъ, но и въ печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ раздѣленіе всего поэтическаго текста вз. книгъ на стихи мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ, сохранившихся до нашего времени, рукописяхъ—какъ въ еврейскихъ, такъ и въ греческихъ LXX и латинскихъ. Такое дѣленіе поэтическихъ частей вз. писаній

вышло мало по малу изъ употребленія въ слѣдующій мазоретскій періодъ вслѣдствіе введенія акцентовъ.

Прозаическій вз. текстъ былъ раздѣленъ на стихи позднѣе, нежели поэтическій; но крайней мѣрѣ о такомъ его раздѣленіи въ раннее время ничего опредѣленного неизвѣстно. Правда въ самарянскомъ пятокнижіи оно существуетъ; но стихи здѣсь не тѣ, какие мы видимъ теперь въ мазоретскомъ текстѣ. Въ талмудѣ, впрочемъ, говорится уже о стихахъ какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго текста, — говорится при томъ, какъ о фактѣ, извѣстномъ издавна — со временемъ Ездры, и даже со временемъ Моисея. Въ талмудѣ нерѣдко дѣлается довольно ясное указаніе на сумму стиховъ, содержащихся или въ цѣлыхъ книгахъ, или въ нѣкоторыхъ отдельахъ вз. текста и эта сумма или близко подходитъ къ позднѣйшему мазоретскому исчислению, или же вполнѣ съ нимъ совпадаетъ. Такъ талмудъ насчитываетъ въ пятокнижіи 5888 pesukim, или стиховъ; въ текстѣ мазоретскомъ ихъ — 5845; затѣмъ о Второз. 34, 5 — 12 упоминается въ талмудѣ, какъ о 8 послѣднихъ стихахъ закона, о Иса. 52, 3—5 какъ о 3-хъ стихахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что между талмудическимъ исчислениемъ стиховъ и теперешнимъ мазоретскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ значительное различіе. Талмудъ, напр., въ книгахъ Паралипоменона насчитываетъ 888 стиховъ, въ теперешнемъ мазоретскомъ текстѣ ихъ 1656. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣленіе текста вз. книгъ на стихи хотя и совершилось въ рассматриваемый нами періодъ, но окончательно было установлено уже послѣ²⁾.

2) На вопросъ: отдѣлялись ли стихи вз. текста одинъ отъ другаго какимъ-либо знакомъ, или нѣть въ домазоретскій періодъ? — отвѣчаютъ различно. Кейль, Гупфельдъ, Дильманъ полагаютъ, что въ то время не существовало никакого знака для отдѣленія стиховъ, что какъ объемъ такъ и количество стиховъ были известны по преданію и составляли предметъ школьнаго изученія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Дильманъ ссылается на то, что талмудъ не упоминаетъ о раздѣленіи стиховъ посредствомъ какого либо знака и не даетъ относительно этого никакого правила, вслѣдствіе чего въ рукописяхъ, даже поздняго времени, предназнач.

Кромѣ стиховъ, обнимавшихъ собою предложеніе, или періодъ, вз. текстъ въ домазоретскія времена былъ раздѣленъ еще на другіе большиe по объему отдѣлы, такъ наз. параши (**פָרָשָׁה פְּרִישָׁה** отъ **פָרַשׁ** раздѣлять, отдѣлять; отсюда параша знач. раздѣленіе, отдѣленіе). Объ этомъ дѣленіи упоминаетъ уже Мишна, затѣмъ часто Гемара; послѣдняя начало такого дѣленія возводить къ Моисею и предписываетъ неизмѣнно соблюдать его (дѣленіе) при составленіи списковъ закона, вслѣдствіе чего параши и имѣютъ мѣсто въ свящ. рукописяхъ, употребляемыхъ въ синагогахъ.—Параши, на которыхъ былъ раздѣленъ вз. текстъ, двоякаго рода: однѣ изъ нихъ заключаютъ въ себѣ довольно обширные отдѣлы текста съ разнообразнымъ содержаніемъ, другія входятъ въ составъ первыхъ и, конечно, вмѣщаютъ въ себѣ отдѣлы текста меньшиe, съ содержаніемъ, относящимся къ одному предмету. Параша большаго объема отдѣлялись одна отъ другой въ рукописяхъ тѣмъ, что писались съ новой строки, параша меньшаго объема—тѣмъ, что между ними въ строкѣ было оставляемо известное пустое пространство; вслѣдствіе этого первыя были названы открытыми (**פָּתָחִים**), послѣднія заключенными (**סְתָמִים**), или связанными. На параша были раздѣлены какъ законъ, такъ и остальные двѣ части вз. канона, т. е. про-

ченныхъ для употребленія въ синагогахъ, стихи ничѣмъ не обозначены. Къ этимъ доказательствамъ Кейль присоединяетъ, между прочимъ, то, что древніе переводчики колебались при раздѣленіи вз. текста на стихи, чего конечно не было бы, если бы въ оригиналѣ стихи были обозначены какимъ либо вѣшнимъ знакомъ. Напротивъ Блекъ, имѣя въ виду точное обозначеніе въ талмудѣ количества стиховъ въ цѣлыхъ вз. книгахъ, считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы свѣдѣнія о стихахъ вз. текста хранились лишь въ преданіи. Опь предполагаетъ, что быть можетъ, уже во времена Мишны стихи вз. текста въ рукописяхъ отдѣлялись одинъ отъ другаго посредствомъ двухъ пунктовъ (двоеточія). Изъ мнѣній, приведенныхъ нами, на сторонѣ первого, какъ кажется, болѣе вѣроятія; тѣмъ не менѣе можно замѣтить, что если не въ началѣ, то въ концѣ рассматриваемаго на ми периода, прежде нежели къ тексту были присоединены акценты и пункты мазоретовъ, двоеточіе было введено въ свящ. рукописи для раздѣленія стиховъ; это видно изъ того, что оно встрѣчается въ рукописяхъ, начертанныхъ однѣми согласными литерами безъ пунктовъ.

роки и агіографы. Раздѣленіе на параші вз. текста сохранилось и въ позднѣйшихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Въ послѣднихъ параші въ законѣ отдѣляются одна отъ другой пустымъ въ строкѣ пространствомъ и вставленными въ немъ литерами **ב** или **ו** (т. е. открытая параша, или заключенная), въ пророкахъ и агіографахъ — однимъ густымъ пространствомъ ³⁾.

И такъ въ домазоретскій періодъ вз. текстъ былъ установленъ въ своихъ основныхъ согласныхъ литерахъ, при чмъ было опредѣлено чтеніе этихъ литеръ въ связи съ гласными звуками; затѣмъ текстъ былъ раздѣленъ на слова, стихи, отдѣлы. Всѣ эти работы относительно вз. текста имѣли цѣлію съ одной стороны—предохранить отъ поврежденій Богооткровенное содержаніе вз. писаній, съ другой—облегчить пользованіе ими, чмъ долженъ былъ способствовать отчетливый и красивый квадратный шрифтъ, который былъ введенъ въ употребленіе также въ періодъ, нами рассматриваемый.— Но всесторонне обработанный, твердо установленный вз. текстъ

³⁾ Отъ отдѣловъ вз. текста, называемыхъ парашами, совершенно отличны гафтары (**תַּפְסִים**). Гафтары—это отдѣленія изъ второй части евр. вз. канона (пророковъ), напоминающія наши церковные зачала; они читались (и читаются, въ синагогахъ по субботнимъ днямъ наряду съ субботними парашами изъ закона). Гафтары, для большаго удобства, записывались въ отдѣльные свитки. Что во времена Христа и апостоловъ въ синагогахъ, вмѣстѣ съ закономъ, читались, въ субботніе дни и писанія пророческія,—это видно изъ Лук. 4, 17 и дал.; Деян. 13, 15 и дал.; но изъ первого мѣста съ вѣроятностю можно заключить, что тогда не были еще назначены для той или другой субботы опредѣлены гафтары, какъ не были назначены опредѣлены параши изъ закона, что случилось гораздо позднѣе, именно въ періодъ мазоретскій, когда законъ, для чтенія по субботамъ, былъ раздѣленъ на 54 субботнія параши.—Слово гафтара знач. отпущеніе. Такое название объясняютъ тѣмъ, что гофтарою заканчивалось въ синагогахъ субботнее чтеніе писаній, послѣ чего народъ былъ отпускаемъ.

Точно также нѣть ничего общаго между парашами и тѣми главами, на которыхъ вз. текстъ раздѣляется въ печатныхъ изданіяхъ въ настоящее время. Дѣленіе на главы—дѣло позднѣйшихъ временъ и принадлежитъ христіанамъ. Первоначально дѣленіе на главы появилось въ вульгатѣ (въ 13 в.) и уже отсюда внесено іудеями въ подлинный вз. текстъ. Этотъ послѣдній съ раздѣленіемъ на главы впервые напечатанъ въ Бомбергскомъ изданіи раввинской библіи 1526 г.

могъ легко съ течениемъ времени повредиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ исказиться и заключенное въ немъ содержаніе, между прочимъ отъ неопытности и небрежности переписчиковъ, подобно тому, какъ повредились и исказились почти всѣ памятники древней письменности, дошедши до нашего времени. Поэтому—для передачи изъ рода въ родъ вз. текста въ неизмѣнномъ, однажды данномъ ему, видѣ необходимости были всевозможныя мѣры для устраненія намѣренныхъ и ненамѣренныхъ его поврежденій, необходимы были постоянныя неослабныя заботы о его охраненіи. И въ подобнаго рода заботахъ мы не видимъ недостатка въ періодѣ домазоретскій. Многочисленныя свидѣтельства о нихъ мы находимъ какъ въ талмудѣ, такъ и въ самомъ текстѣ.

Въ талмудѣ мы прежде всего встрѣчаемъ множество предписаний относительно свящ. каллиграфіи. Такъ напр. талмудъ предписываетъ, чтобы протяженное начертаніе нѣкоторыхъ буквъ, стоящихъ въ концѣ словъ, ни въ какомъ случаѣ не было замѣняемо начертаніемъ обыкновеннымъ, чтобы буквы, сходныя между собою по произношенію, или начертанію, не были при перепискѣ начертываемы, по невнимательности, одна вмѣсто другой, чтобы пустыя пространства въ строкѣ, раздѣляющія заключенные паради, были всегда одного и того же размѣра, и под. Мало того—талмудъ въ своихъ предписаніяхъ опредѣляетъ даже то, изъ чего и какимъ образомъ должны быть приготовляемы свитки для свящ. рукописей, особенно для тѣхъ, которыхъ назначаются для употребленія въ синагогахъ, изъ какихъ веществъ должны состоять чернила, потребныя для начертанія письменъ вз. текста и т. д. Соблюденіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ правилъ было непремѣнною обязанностю лицъ, занимавшихся приготовленіемъ списковъ свящ. книгъ, и они—эти правила—были, конечно, соблюдаены, тѣмъ болѣе—что свящ. рукописи, особенно же назначавшіяся для употребленія въ синагогахъ, были, по приготовленіи, тщательно рассматриваемы и употребленіе ихъ дозволялось въ томъ лишь случаѣ, если онъ не

заключали въ себѣ погрѣшностей и отступлений отъ правилъ, или если и заключали, то немногія и легко исправимыя.— Каллиграфическія правила талмуда представляются мелочными до крайности; но тѣмъ яснѣе говорятъ они о той великой заботливости, съ какою, въ періодѣ домазоретскій, вз. текстъ былъ охраняемъ отъ поврежденій и измѣненій во всѣхъ его самыхъ незначительныхъ видахъ подробностяхъ. О той же заботливости охранить въ текстѣ каждую іоту говоритъ также то обстоятельство, что въ талмудѣ исчисляются не только стихи, но и слова и даже буквы свящ. книгъ, опредѣляетъ, какой стихъ, какая литера занимаютъ среднее мѣсто въ той или другой книгѣ. Такъ въ одномъ изъ трактатовъ талмуда (tr. Kidduschin) замѣчается, что буква **ל** въ словѣ **צְהָן** (Левит. 11, 42) есть средняя буква въ пятокнижіи, буква **ע** въ словѣ **מַעַיר** (Пс. 79, 14) есть средняя буква въ псалтири.

Что касается самаго вз. текста, то въ немъ находятся не малочисленныя свидѣтельства о томъ, что заботы о его охраненіи отъ какихъ бы то ни было измѣненій не оставались лишь заботами не достигавшими цѣли, но осуществлялись на дѣлѣ.

Въ вз. текстѣ мы встрѣчаемъ не мало литеръ, начертанныхъ особеннымъ образомъ. Такъ одинъ изъ этихъ литеръ нѣсколько возвышаются надъ строкою (это такъ наз. litterae suspensaе—лит. подвѣшенныя), другія имѣютъ размѣры нѣсколько больше обычновенного (litterae majusculae), треты—размѣры нѣсколько меньшия (litterae minusculae) и т. п. Кроме литеръ съ особымъ начертаніемъ въ вз. текстѣ находятся еще необычные знаки, или пункты—puncta extraordinaria, поставленные то надъ цѣлыми словами (надъ каждою буквою въ словѣ), то надъ отдѣльными литерами. О многихъ изъ литеръ съ особымъ начертаніемъ, о нѣкоторыхъ изъ punct. extгаord. упоминаетъ талмудъ; указаніе на одинъ изъ послѣднихъ (punct. extr.) находится у Иеронима. Когда именно и вслѣдствіе чего появились литеры и пункты, о которыхъ у

нась рѣчь, неизвѣстно; неизвѣстно также, каково было ихъ первоначальное значеніе; не знали этого даже раввины времъ талмуда; поэтому то какъ значеніе особаго начертанія извѣстныхъ литеръ, такъ и смыслъ punct. extraord. въ талмудѣ толкуются различно и по преимуществу въ таинственномъ, аллегорическомъ смыслѣ. Но не смотря на то, что первоначальное истинное значеніе литеръ, особыеннымъ образомъ начертанныхъ и punct. extraord. было съ течениемъ времени забыто, эти пункты всегда вносились въ списки священныхъ книгъ и особое начертаніе извѣстныхъ литеръ никогда въ нихъ не измѣнялось: очевидное доказательство той изумительной заботливости, съ какою въ домазоретскій періодъ вз. текстъ былъ охраняемъ отъ самыхъ незначительныхъ измѣнений даже по вѣщенному своему виду, однажды установленному.

III. Третій періодъ исторіи вз. текста есть періодъ мазоретскій, продолжавшійся съ 6 по 11 ст. нашей эры.

Въ періодъ домазоретскій были, какъ мы знаемъ, совершенны главныя работы относительно свящ. вз. текста. Но результаты эти работы были, въ большинствѣ, достояніемъ устнаго преданія и лишь съ его помощью распространялись и передавались пзъ рода въ родъ. Въ домазоретскій періодъ и особенно въ его началѣ раввины строго придерживались ими самими установленного правила, которымъ воспрещалось заключать въ цисьмена то, что хранилось въ преданіи. Правило это было вызвано описаніемъ—поставить преданіе, посредствомъ записи, наравнѣ съ свящ. текстомъ и чрезъ то унизить этотъ послѣдній. Съ особою строгостью это правило примѣнялось къ тому, что въ преданіи непосредственно относилось къ тексту и что, въ случаѣ записи, необходимо было присоединить къ нему. Такъ обр. въ домазоретскій періодъ достояніемъ преданія оставались способы чтенія текста, состоявшаго изъ согласныхъ литеръ, критическія его исправленія и под. Но при постоянныхъ занятіяхъ раввиновъ свящ. текстомъ, содержаніе преданія относительно этого текста конечно постоянно увеличивалось въ своемъ объемѣ, а потому естественно, что съ тек-

ченіемъ времени все болѣе и болѣе становилась сомнительною возможность послѣдовательного проведенія правила о передачѣ письмени устнаго преданія. Отсюда, главныи образъ, возникла потребность заключить въ письмена результаты критико-экзегетическихъ работъ предшествовавшихъ временъ относительно вз. текста. Приведеніе въ порядокъ и запись этихъ результатовъ и характеризуютъ собою мазоретскій періодъ.

Благодаря трудамъ раввиновъ мазоретскаго періода, въ этотъ періодъ возникла пунктація свящ. вз. текста и мазора.

Цѣль пунктаціи состоитъ въ томъ, чтобы выразить въ письмени способъ чтенія вз. текста, состоявшаго изъ однихъ согласныхъ литеръ безъ всякихъ другихъ, какихъ бы то ни было, начертаній. Съ этою цѣлію въ періодъ мазоретскій и были придуманы различные знаки и присоединены къ основнымъ письменамъ вз. текста. Знаки эти очень многочисленны и разнообразны. Одни изъ нихъ опредѣляютъ произношеніе нѣкоторыхъ согласныхъ, другие обозначаютъ собой гласные звуки [знаки вокальные]. Третыи наконецъ облегчаютъ и регулируютъ чтеніе св. текста въ качествѣ знаковъ преинанія, удареній и под. (это—акценты). Вѣроятно, что начало пунктаціи свящ. текста было положено гораздо раньше рассматриваемаго нами періода, очень можетъ быть, что раввины издавна употребляли въ своихъ частныхъ рукописяхъ какие либо знаки, облегчавшиѳ чтеніе и пониманіе текста; но во всякомъ случаѣ евр. пунктація, въ настоящемъ своемъ видѣ, возникла именно въ періодъ мазоретскій.—Такая искусственная и многосложная система, какъ система евр. пунктаціи, не могла быть конечно дѣломъ одного лица, не могла окончательно сложиться въ короткое время; несомнѣнно, что она была результатомъ трудовъ многихъ поколѣній ученыхъ раввиновъ, работавшихъ надъ нею не одно столѣтіе.—Но когда именно сложилась въ рассматриваѣмый нами періодъ система евр. пунктаціи и къ согласнымъ литерамъ свящ. текста присоединены вокальные знаки и акценты, вообще когда св. вз. текстъ получилъ тотъ видъ, въ какомъ онъ существуетъ теперь въ печатныхъ изданіяхъ,—съ

точностію опредѣлить нельзя по недостатку ясныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Возможно лишь съ помощью нѣкоторыхъ фактовъ приблизительно обозначить крайніе предѣлы — съ одной стороны времени, въ которое положено начало евр. пунктаціи, съ другой — времени, къ которому она окончательно сложилась. — Такъ, при сличеніи системы евр. пунктаціи съ подобными же системами другихъ семитическихъ народовъ, находяться, что она родственна съ этими послѣдними и вмѣстѣ съ тѣмъ представляется болѣе сложною и искусственною. На основаніи этого заключаютъ, что евр. пунктаціонная система во 1-хъ сложилась позднѣе родственныхъ ей системъ, а во 2-хъ находилась, покрайней мѣрѣ въ началѣ своего развитія, подъ ихъ вліяніемъ. Но если такъ, то начало евр. пунктаціи могло быть положено не иначе, какъ въ періодъ времени между 6 и 8 вв.; ибо известно, что сирійцы начали пунктировать свои рукописи въ 6-мъ, или незадолго до его начала, арабы же не раньше 7-го столѣтія; покрайней мѣрѣ коранъ у арабовъ первоначально начертывался при помощи одиѣхъ лишь согласныхъ литеръ. Далѣе — Саадіа-бенъ-Іосифъ, гаонъ [т. е. духовный глава вавилонскихъ іудеевъ], умершій въ 942 г., и раввинъ Іуда Хійюгъ, жившій нѣсколько позднѣе, уже писали грамматическая сочиненія о пунктаціи, затѣмъ — сличеніе рукописей въ. писаній, произведенное около 1034 г. раввинами Моисеемъ-бенъ-Нафтали и Аарономъ-бенъ-Амеромъ, касается не согласныхъ литеръ текста, но главнымъ образомъ его пунктаціи; наконецъ, начиная съ 11-го в., вѣрѣ вообще грамматики іудейскіе смотрѣли на пунктаціи св. текста, какъ на фактъ уже совершившійся и притомъ издавна существующій. Такъ обр. на 10 в. можно смотрѣть какъ на время, къ которому евр. пунктація сложилась окончательно и свящ. евр. текстъ былъ пунктиранъ. — Ничего опредѣленного нельзя также сказать о лицахъ, которымъ евр. пунктація обязана своимъ происхожденіемъ. Изъ преданія іудеевъ, достовѣрность котораго подтверждается новѣйшими учеными изслѣдованіями, известно лишь, что это были палестинскіе ученые раввины, жившіе въ Тиверіадѣ.

Такъ какъ существенною задачею раввиновъ мазоретскаго періода было увѣковѣченіе посредствомъ письменнаго устнаго преданія относительно свящ. текста, то несомнѣнно, что чтеніе этого текста, опредѣленное пунктаціею, теперь существующею, есть чтеніе не произвольное, не умышленное самими пунктаторами, а чтеніе, основанное на преданіи, непрерывно и въ возможной чистотѣ сохранявшемся въ средѣ іудейского раввинства, так. обр. чтеніе истинное, передающее дѣйствительный смыслъ слова Божія, сообщенного намъ въ вз. писаніяхъ. Вѣрность преданія чтенія, опредѣленного пунктаціею, подтверждается научнымъ филологическимъ анализомъ. Правда тогъ же анализъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста, гдѣ чтеніе основано не на преданіи, а опредѣлено на основаніи общихъ началъ евр. пунктаціонной системы; но такихъ мѣсть не много, они не значительны и потому не сильны подорвать довѣріе къ правильности чтенія св. вз. текста, однажды на всегда установленного въ періодъ мазоретской. Эти мѣста приводить лишь къ заключенію, что мазоретская пунктація не можетъ быть признана безусловно правильною и неизмѣнною и такимъ образомъ узаконяютъ ея критическую повѣрку, особенно въ случаяхъ, возбуждающихъ недоумѣніе.

Мазоретская пунктація вз. текста была встрѣчена іудеями сочувственно; вслѣдствіе этого они стали мало по малу вводить въ употребленіе мазоретскій библейскій текстъ. И чѣмъ болѣе вслѣдствіе виѣшнихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, для іудеевъ становилось необходимымъ заключать въ письмена всѣ вообще ихъ преданія, тѣмъ болѣе началъ распространяться между ними обычай размножать посредствомъ рукописей мазоретскій текстъ. Вскорѣ онъ появился во всѣхъ рукописяхъ, предназначавшихся для частнаго употребленія, и іudeи стали считать необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для надлежащаго пониманія свящ. текста его пунктацію. Между тѣмъ древнія непунктированныя рукописи начали выходить изъ употребленія и сохранялись почти лишь въ синагогахъ, ибо синагогальная рукописи ни въ какомъ случаѣ

не могли заключать въ себѣ иныхъ какихъ либо начертаній, кроме основныхъ согласныхъ литеръ текста, поелику образецъ, согласно съ которымъ они должны были приготавляться, былъ однажды на всегда опредѣленъ талмудомъ, какъ неизмѣнная норма.

Но образовавъ пунктацію и присоединивъ ее къ тексту, мазореты были далеки отъ того, чтобы сдѣлать какія либо измѣненія и исправленія въ самомъ текстѣ: этотъ текстъ, издана опредѣленный и установившійся въ своихъ основныхъ согласныхъ literахъ—*textus receptus*,—имѣлъ для нихъ, какъ и для раввиновъ предшествующихъ вѣковъ, значеніе текста неприкосновенного, въ которомъ не можетъ быть измѣнена ни одна черта. Поэтому-то мазореты собравъ древнія критическія и другія замѣчанія относительно вз. текста, отчасти записанныя въ талмудѣ, отчасти хранившіяся въ преданіи, и присоединивъ къ нимъ съ теченіемъ времени свои собственныя, мало по малу записали ихъ и такимъ образомъ возникла мазора.

Слово мазора **מְסֹרָה**, **מְסֹרָת**, **מְסֹרָתָה** обыкновенно производится отъ корня **מִסַּר**, означающаго, по раввинскому словоупотребленію въ талмудѣ, передавать [другимъ принятное учение]; мазора слѣд. значитъ преданіе и въ приложеніи къ тѣмъ критическимъ и другаго рода примѣчаніямъ, которыя собраны и записаны въ періодъ мазоретскій, указываетъ на то, что эти примѣчанія, прежде записи, хранились въ устномъ преданіи. Отсюда—и мазореты—название раввиновъ, собравшихъ и записавшихъ названныя замѣчанія.

Главнейшую часть содержанія мазоры составляютъ такъ наз. *kêri* [*kêri*—прочитанное; то, что слѣдуетъ читать, въ противоположность *kêtib*—тому, что написано, начертано въ текстѣ], или грамматическая, экзегетическая и теологическая исправленія текста.⁴⁾ Число *kêri* во всѣхъ почти рукописяхъ

⁴⁾ О *kêri* было уже сказано (въ 1-й ст.), какъ о составныхъ частяхъ того критического аппарата которымъ, быть можетъ, отчасти пользовались въ домазоретской

различно, такъ какъ преданіе въ различныхъ странахъ и школахъ было не одинаковымъ относительно этого предмета. По свидѣтельству Ильи Левита всѣхъ keri 848, и именно въ ятакнижіи 65, у пророковъ 454 и въ агіографахъ 329; но число ихъ гораздо значительнѣе, такъ что иѣкоторые ученые насчитыва-

періодъ при критическомъ опредѣленіи и окончательномъ установлениі вз. текста въ его основныхъ согласныхъ літерахъ; было также замѣчено, что эти keri въ пхъ отношеніи къ kétib тройкаго рода: они во 1-хъ относятся къ такимъ словамъ, которые хотя начертаны въ текстѣ, но которыхъ, по мнѣнію раввиновъ, не слѣдуетъ читать. Въ мазоретскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ мазоретскаго текста такія слова оставлены безъ пунктації, напр. Іезек. 48,16, надъ ними поставленъ кружечекъ, который указываетъ на замѣчаніе, стоящее на поляхъ kétib velo keri, т. е. написанное, но не прочитанное; keri во 2-хъ относятся къ такимъ словамъ, которыхъ хотя нѣть въ текстѣ, но которыхъ однакоже слѣдуетъ читать въ немъ: въ мазоретскихъ рукописяхъ и изданіяхъ слова эти стоятъ на поляхъ, съ замѣчаніемъ: keri velo kétib, т. е. прочитанное но не написанное; въ самомъ же текстѣ выставлена лишь пунктація, относящаяся къ этимъ словамъ, съ кружечкомъ на верху ва нихъ указывающимъ, напр. 2 Ц. 8,3; наконецъ въ 3-хъ keri относятся въ такимъ начертаннымъ въ текстѣ словамъ, вместо которыхъ должны быть прочтены другія; эти другія слова въ мазор. рукописяхъ и изданіяхъ поставлены на поляхъ съ замѣчаніемъ keri; пунктація же, къ нимъ относящаяся, присоединена къ словамъ текста, напр. іер. 42, 6.—Іудеи позднѣйшихъ временъ при чтеніи и объясненіи писаній отдали предпочтеніе этимъ keri предъ текстомъ, но едва-ли основательно. Положимъ, что keri устраниютъ изъ текста все, что представляется въ немъ необычнымъ, неудобопонятнымъ, неправильнымъ, положимъ, что иѣкоторые изъ нихъ основываются быть можетъ на дѣйствительныхъ вариантахъ въ текстѣ; но вообще-то они—не болѣе какъ критическія догадки, хотя и удачныя. А потому при пользованіи вз. подлиннымъ текстомъ скорѣе нужно отдавать предпочтеніе не keri, а тому, что значится въ текстѣ. Предпочтеніе, отдаваемое keri, есть, въ большинствѣ случаевъ, не иное чѣмъ, какъ легкій способъ уклониться отъ представляющихъ затрудненій, и свидѣтельствуетъ о нежеланіи углубиться въ текстъ и употребить всѣ старанія къ уясненію того, что съ первого раза не поддается уразумѣнію. — Слѣдуетъ замѣтить, что и keri представляютъ одно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ той необыкновенной заботливости, съ какою древніе раввины охраняли отъ всякихъ измѣненій вз. текстъ, однажды установленный, и о томъ великомъ уваженіи, которое они имѣли къ тексту. Именно keri, какъ результатъ критическихъ работъ раввиновъ указываютъ на то, что раввины были убѣждены въ неправильности тѣхъ мѣстъ въ текстѣ, къ которымъ keri относятся; и однако же они не позволяли себѣ устранить эти, по ихъ мнѣнію, неправильности, поставить въ текстѣ keri вместо kétib: все находящееся въ текстѣ было для нихъ священно.

ютъ ихъ до 1000 и даже до 1300. Кромѣ keri въ мазорѣ⁵⁾ помѣщены и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя, примѣчанія. Большая, хотя и менѣе важная, часть мазоры состоить въ перечисленіи особенностей ореографіи, особенностей грамматическихъ формъ, конструкціи и другихъ. Всѣ эти особенности очень незначительны и касаются по большей части мелочей. При перечисленіи особенностей, находящихся въ текстѣ, мазора указываетъ напр. на то, какъ часто и гдѣ именно из-

⁵⁾ Таковы. между прочимъ, **סְפָרִים** **סְפָרִים** **סְפָרִים** (jttur sopherim и **תִּקְוֹן** **סְפָרִים** (Tikkun sopherim).

Jttur sopherim-ablatio (extrusio) scribagum; это указание на нѣчто относившееся къ тексту, но впослѣдствіи упущенное соферимами. Такихъ опущеній мазора указываетъ три въ пято книжіи (Быт. 18, 5; 24, 55; Числ. 31, 2) и два въ исалмахъ (ис. 68, 26; 36, 7); обѣ одномъ изъ нихъ упомянуто въ талмудѣ; всѣ они касаются ל соединительнаго (ל copulativum). Существуетъ мнѣніе, по которому это ל copulat. не находилось въ текстѣ въ указанныхъ мѣстахъ, но присоединялось къ нимъ при чтеніи; такъ обр. оно не было изъято изъ текста, а устраниено изъ чтенія. На этомъ мнѣніи настаиваетъ Кейль (Einl., 2 Auflage 3. 621).—Tikkun sopherim-correctio scribagum. Tik. soph. указываетъ на такія чтенія въ текстѣ, которыми замѣнены, съ цѣллю исправленія, другія, прежде находившіяся въ рукописяхъ, чтенія. Такихъ чтеній, или мѣстъ указано въ мазорѣ (талмудъ о нихъ неупоминаетъ) 18, съ обозначеніемъ въ 16 случаевъ и чтеній, прежде бывшихъ, но подвергшихся исправленію. Обыкновенно полагаютъ, что тѣ мѣста вз. текста, которые обозначены въ мазорѣ, какъ Tikkun soph. суть дѣйствительные исправленія неправильныхъ чтеній, имѣвшихъ мѣсто въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, — исправленія, произведенныя соферимами съ помощью рукописей болѣе надежныхъ, и что чтенія, предпочитаемы соферимами и теперь находящіяся въ текстѣ, суть первоначальными. Блекъ впрочемъ предполагаетъ нѣчто другое. По его мнѣнію, тѣ чтенія, которыхъ указаны въ мазорѣ, какъ чтенія подвергшіяся исправленію, суть чтенія первоначальныя и они ваходились въ большей части рукописей; но такъ какъ они представлялись, съ извѣстной точки зренія, не вполнѣ приличными и сомнительными, то соферимы сочли себя не въ правѣ исправить ихъ. По предположенію Блека (Einl., s. 803—804) противорѣчить все, что положительно намъ извѣстно объ отношеніи раввиновъ всѣхъ вѣковъ къ вз. тексту; они всего менѣе были способны исправлять текстъ, руководствуясь своими личными воззрѣніями.—Вѣроятнѣе всего, что tikun. soph., подобно мнѣнію keri, лишь результатъ предположеній раввиновъ мазорѣтскаго периода: исправленія указанныхъ ими мѣстъ въ дѣйствительности не было.—Во всякомъ случаѣ свидѣтельства мазоры, о произведенныхъ будто бы соферимами исправленіяхъ чтеній въ текстѣ, какъ свидѣтельство временъ позднѣйшихъ, недостаточны для того, чтобы, имѣя ихъ въ виду, можно было дѣлать положительные выводы.

вѣстное слово поставлено въ необычной формѣ, въ необычномъ значеніи, сколько разъ оно поставлено съ членомъ, или безъ члена, соединено съ тѣмъ или другимъ предлогомъ, стоитъ одно или въ связи съ другими опредѣленными словами. Да же мазора указываетъ, сколько каждая свящ. книга имѣетъ стиховъ и какой изъ нихъ занимаетъ среднее мѣсто, и перечисляетъ особенности нѣкоторыхъ стиховъ; такъ она замѣчаетъ напр. что Іерем. 21, 7 состоитъ изъ 42 словъ и 160 литеръ, что только 2 стиха въ пятокнижіи (исх. 32, 8; числ. 14, 19) начинаются буквою **בָּ**, что въ вз. писаніяхъ находится 14 стиховъ, которые состоятъ лишь изъ трехъ словъ, и 26, которые заключаютъ въ себѣ всѣ буквы еврейскаго алфавита и т. д. Въ мазорѣ также исчисляются литеры съ особымъ начертаніемъ *puncta extraordinaria*, указываются особенности въ пунктаціи.—Несомнѣнно, что большая часть замѣчаній, входящихъ въ составъ мазоры, очень мелочны и почти не имѣютъ никакого значенія, какъ это уже и сказано выше; тѣмъ не менѣе они дороги для наст., какъ свидѣтельство о великой заботливости мазоретовъ—сохранить неизмѣннымъ вз. текстъ; ибо большинство замѣчаній мазоры направлены единственно къ тому, чтобы обезопасить отъ измѣненія или уничтоженія самыя мелкія, незначительнѣйшія особенности въ текстѣ вз. свящ. писаній. Форма мазоры различна. Такъ мазора писалась на особыхъ листахъ и въ особыхъ книгахъ и составляла отдельная рукописи. За тѣмъ она вносилась въ рукописи свящ. книгъ и здѣсь записывалась двоякимъ образомъ: или ее начертывали на верхнихъ, нижнихъ, а иногда и на крайнихъ поляхъ рукописей, начертывали очень подробно съ полнымъ обозначеніемъ мѣста, которыхъ замѣчанія касались; или же ее помѣщали на срединныхъ поляхъ между еврейскимъ текстомъ и халдейскимъ его переводомъ [таргумомъ]. Въ послѣднемъ случаѣ самая ограниченность мѣста дѣала необходимымъ сокращенія и употребленія различныхъ символическихъ, условныхъ знаковъ; сокращенія простирались здѣсь такъ далеко, что становились темными и загадочными. Мазору, начер-

тапную первымъ способомъ, называютъ большою (*masora magna*), начертанную послѣднимъ—малою (*m. parva*).⁶⁾

Вслѣдствіе того, что переписчики, при внесеніи въ свяще. рукописи мазоры, и отчасти по произволу, отчасти стѣсняемые остававшимся въ ихъ распоряженіи свободнымъ пространствомъ, вписывали то большее то меньшее, количество мазоретскихъ замѣчаній, затѣмъ—вслѣдствіе различныхъ причудливыхъ каллиграфическихъ украшеній, въ которыхъ были нерѣдко облекаемы эти замѣчанія,—въ мазору съ течениемъ времени вкрадлось множество неправильностей и ошибокъ, такъ что она наконецъ стала почти непонятною для большей части не только переписчиковъ но даже и раввиновъ. Первый опытъ привести въ порядокъ мазору былъ сдѣланъ тунисскимъ раввиномъ Іаковомъ-бенъ-Хайимомъ. Обладая надлежащими познаніями и изумительнымъ прилежаніемъ, Іаковъ посредствомъ сличенія различныхъ рукописей, содержавшихъ одну лишь мазору, а также при помощи своихъ собственныхъ примѣчаній, придалъ мазорѣ тотъ видъ, въ которомъ она существуетъ и доселъ. Іаковъ напечаталъ исправленную и приведенную имъ въ порядокъ мазору во второмъ изданіи раввинской бібліи 1526 г. и чрезъ то сдѣлалъ ее общимъ достояніемъ. Чтобы сдѣлать пользованіе мазорою наиболѣе удобнымъ, Іаковъ въ концѣ бібліи еще разъ помѣтилъ содержаніе мазоры, расположивъ его въ алфавитномъ порядке. Эта расположенная по алфавиту и помѣщенная послѣ библейского текста мазора называется мазорою величайшею или конечною—*masora maxima*.

⁶⁾ Нужно замѣтить, что мазора рѣже писалась въ определенныхъ рукописяхъ, нежели вносились въ списки свяще. книгъ. Поэтому въ настоящее время известно весьма ограниченное количество рукописей, заключающихъ въ себѣ одну мазору. Одна изъ такихъ рукописей находится въ парижской (бывшей императорской) библиотекѣ. Мазора изложенная въ этой рукописи въ алфавитномъ порядке (въ исправленномъ видѣ) напечатана въ 1864 г. въ Ганноверѣ, Френсдорфомъ, подъ заглавіемъ: *Das Buch Ochlah Wochlah*: Названіе это взято отъ первыхъ словъ, которыми мазора въ названной рукописи начинается (*פָּלָבָא בְּלָבָא* 1 Ц. 1. 9; *בְּלָבָא בְּלָבָא* Быт. 27, 19).

ma, finalis, въ противоположность съ мазорою великою и малою—mazora magna, parva, помѣщаемою на поляхъ и потому обозначаемою также словомъ textinalis,—находящаяся въ текстѣ. Но приведенная въ порядокъ и исправленная Іаковомъ-бенъ-Хайимомъ мазора далека однакоже отъ совершенства. Неправильности и ошибки въ рукописяхъ, содержавшихъ мазору, были такъ многочисленны, что исправленіе ихъ превышало силы одного человѣка, хотя бы то ученаго и крайне трудолюбиваго, каковымъ былъ раввинъ Іаковъ. Это-то подало поводъ Буксторфу (старшему) предпринять дальнѣйшее исправленіе мазоры; но и онъ не довелъ до конца этого исправленія и мазора для своего приведенія въ возможно совершенный видъ доселѣ ждетъ новаго Іакова-бенъ-Хайима, или Буксторфа.

IV. Со времени окончанія мазоретскихъ работъ и собранія въ одно цѣлое мазоретскихъ замѣчаній текстъ вз. свящ. книгъ не подвергался уже, со вѣшней своей стороны, ни какому новому измѣненію. Въ продолженіе четвертаго или послѣ мазоретскаго періода всѣ заботы какъ юдейскихъ такъ и христіанскихъ ученыхъ были направлены (и направляются) лишь къ неизмѣнному сохраненію и распространенію вз. текста въ томъ видѣ, какой приданъ ему въ предшествовавшія времена.

До изобрѣтенія книгопечатанія вз. подлинный текстъ распространялся посредствомъ рукописей. Рукописи эти двоякаго рода: офиціаныя или священныя, предназначенные для употребленія въ синагогахъ, и частныя или общеупотребительныя. Рукописи синагогальныя не содержать въ себѣ всего в. заувѣта, а лишь нѣкоторыя его книги, потребныя въ синагогахъ и главнымъ образомъ пятокнижіе. Рукописи эти начертаны на пергаменныхъ, или кожанныхъ свиткахъ съ строгимъ соблюдениемъ всѣхъ правилъ, предписанныхъ въ талмудѣ относительно снятія свящ. копіи. Въ нихъ нѣть мазоретской вокализаціи и акцентуаціи, но сохранены какъ puncta extraordinaria, такъ и особое начертаніе извѣстныхъ литеръ, а также древнія, упоминаемыя въ талмудѣ, пустыя пространства между

словами и отдельениями текста. Поэтому въ священныхъ или синагогальныхъ рукописяхъ, дошедшихъ до насть изъ древняго, сравнительно, временіи, текстъ совершенно одинаковъ. Что касается рукописей предназначенныхъ для всеобщаго употребленія, то онѣ начертаны по преимуществу на пергаменѣ; нѣкоторыи изъ нихъ, впрочемъ, на хлопчатой и обыкновенной бумагѣ. Онѣ имѣютъ форму не свитковъ, а книгъ различнаго формата. Текстъ въ нихъ начертанъ колоннами, а текстъ поэтическихъ книгъ сверхъ того стихами. Въ нихъ преобладаетъ квадратный шрифтъ, къ согласнымъ основнымъ литерамъ текста присоединена мазоретская пунктація, начальные буквы или слова нерѣдко разукрашены золотомъ, или различными красками, снабжены также причудливыми украшеніями примѣчанія мазоры. Рукописи, о которыхъ у насть рѣчь, содержать въ себѣ или одинъ еврейскій текстъ, или же—что гораздо чаще—евр. текстъ въ соединеніи съ переводомъ, по большей части халдейскимъ, рѣже съ арабскимъ и другими переводами. На верхнихъ и нижнихъ поляхъ рукописей помѣщается большая мазора, иногда раввинскій комментарій, на крайнихъ поляхъ варианты, указанія, относящіяся къ парашамъ и гафтарамъ, на внутреннихъ—мазора малая.—Рукописи, назначавшіяся для всеобщаго употребленія, приготовлялись не однимъ лицомъ, а нѣсколькими. Такъ одинъ переписчикъ начертывалъ согласные буквы текста, другой пункты, третій мазору и т. д.—Дошедшія до насть отъ прежнихъ временъ рукописи, содержащія подлинный вѣ. текстъ, не особено древни. Такъ, ни одна изъ нихъ не принадлежитъ періоду домазоретскому или мазоретскому. Причина этого-та, что рукописи мазоретскія совершенно вытѣснили собою рукописи, бывшия до нихъ въ употреблении и не снабженныя пунктаціею, и эти послѣднія, сдѣлавшись ненужными, вскорѣ утратились. Правда рукописи мазоретскія не были допущены въ синагоги. Въ синагогахъ продолжали употреблять свитки, начертанные древнимъ способомъ; но свитки эти, какъ скоро приходили въ ветхость, были тотчасъ же уничтожаемы рав-

випами и замѣнялись новыми и во всякомъ случаѣ, какъ священные, ни подъ какимъ видомъ не могли быть продаваемы христіанамъ. Относительно достоинства дошедшихъ до насъ мазоретскихъ рукописей мнѣнія ученыхъ различны; несомнѣнно одно, что древнѣйшія рукописи 11, 12 и 13 вв. несравненно правильнѣе, нежели рукописи послѣдующаго времени. Причина менѣе удовлетворительного состоянія позднѣйшихъ мазоретскихъ рукописей заключается въ томъ, что приготовленіе списковъ св. книгъ для всеобщаго употребленія совершилось не съ такою тщательностью, съ какою было совершающе приготовленіе списковъ синагогальныхъ. Вслѣдствіе этого въ нихъ легко вкрадывались ошибки не только относительно пунктаціи и раздѣленія, но и относительно основныхъ согласныхъ литеръ текста; такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переписчики ставили въ текстѣ, вмѣсто *kérib*, *kéri*. Мазора, конечною цѣллю которой было огражденіе свящ. текста отъ какихъ бы то не было измѣненій, не всегда могла удержать отъ этихъ измѣненій переписчиковъ, такъ какъ и сама она, при перепискѣ, нерѣдко подвергалась произволу: переписчики позволяли себѣ дѣлать въ ней пропуски, измѣненія.—Нужно однакоже замѣтить, что ошибки, входившія въ рукописи свящ. мазоретс. текста не были оставлены безъ вниманія; небрежность и неопытность нѣкоторыхъ переписчиковъ были уравновѣшиваемы усердными заботами ученыхъ раввиновъ о сохраненіи текста въ первоначальной чистотѣ. Такъ известно, что нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ іудейскихъ толковниковъ среднихъ вѣковъ старались, посредствомъ сличенія рукописей, устранять вкравшіяся въ текстѣ ошибки! При этомъ они руководствовались рукописями, образцовыми по своей исправности, которая конечно должны были содѣйствовать успеху ихъ исправительныхъ работъ. Изъ критическихъ трудовъ средневѣковыхъ раввиновъ относительно текста особенно известенъ трудъ Мейера Галлеви изъ Толедо, жившаго въ 13 в. Галлеви цѣллю своего труда поставилъ устраненіе изъ текста пятокнижія всѣхъ тѣхъ ошибокъ, которые были допущены въ него позднѣйшими

переписчиками.—Правда, что опыты очищениј вз. текста до изобрѣтенія книгопечатанія оставались, такъ сказать, изолированными; критические труды раввиновъ не могли повсюду и быстро распространяться и такимъ образомъ дѣлать невозможными на будущее время ошибки въ мазоретскомъ текстѣ при размноженіи его копій, особенно если взять во вниманіе разбросанность іудейского племени по лицу всей земли. Тѣмъ не менѣе, благодаря критическимъ трудамъ средневѣковыхъ раввиновъ, въ извѣстныхъ кружкахъ іудейского міра существовали очень правильные рукописи вз. мазоретского текста и вотъ эти то, между прочимъ, рукописи, со введеніемъ книгопечатанія, помогли первымъ издателямъ вз. біблік на подлинномъ языкѣ распространить повсюду возможно правильный біблейскій текстъ.

Само собою понятно, что первые издатели свящ. вз. книгъ на евр. языкѣ поставили своею задачею издать ихъ въ исправлѣйшемъ видѣ. Для выполненія этой задачи они старались изъ числа доступныхъ имъ рукописей избирать наилучшія, тщательно сличали ихъ, пользуясь при этомъ мазорою, и затѣмъ уже приступали къ печатанію. Но задача — отпечатать біблейскій мазоретскій текстъ въ возможно лучшемъ видѣ — задача очень трудная и по обширности самаго текста и по многосложности и разнообразію законовъ, изъ которыхъ слагается его внѣшній видъ и потому она не могла быть выполнена разомъ, напротивъ потребовались цѣлые столѣтія и труды великаго множества лицъ для ея надлежащаго осуществленія. И нужно замѣтить, что едвали и въ настоящее время она осуществлена въ совершенствѣ. Первые издатели вз. подлиннаго текста ограничивались изданіемъ лишь отдѣльныхъ книгъ. Такъ, въ 1477 г., была отпечатана псалтирь; но основной еврѣйскій текстъ въ этомъ изданіи не пунктируется; затѣмъ въ 1482 г. въ Болонье было напечатано пятокнижіе съ пунктаціею, таргумомъ и съ комментаріемъ раввина Кимхи; далѣе въ 1486 г. иевіимъ, или второе отдѣленіе евр. вз. канона, въ Сончино, безъ пунктаціи, съ комментаріемъ Кимхи;

наконецъ въ 1487 г., въ Неаполѣ, всѣ агіографы, съгласными знаками, но безъ акцентовъ, съ различными раввинскими комментаріями. Первые изданія были неудовлетворительны въ техническомъ отношеніи, а также въ томъ, что основою для нихъ служило ограниченное количество рукописей.—Послѣ того какъ вз. библія на подлинномъ языкѣ была напечатана по частямъ, начали появляться и полныя ея изданія. Первое изъ нихъ по времени есть изданіе, напечатанное въ Сончино, небольшомъ итальянскомъ городкѣ, въ 1488 г. Въ основу его легли отчасти прежнія рукописи, отчасти изданія отдельныхъ вз. книгъ; отсюда—не всѣ его части имѣютъ одинаковое достоинство относительно правильности. Второе полное изданіе вз. библіи появилось въ 1494 г. въ Брешіи; оно было напечатано въ типографіи Герзома; вслѣдствіе этого оно известно подъ именемъ брешіанского, или герзомова. Въ немъ не сохранено особое начертаніе известныхъ буквъ; нѣтъ данныхъ относительно *keri* и *ketib*; во многихъ случаяхъ *keri* внесены въ текстъ. Это изданіе сходно съ первымъ, появившимся въ Сончино.—Заботы объ изданіи по возможности правильнаго вз. текста библіи особенно усилились съ начала 16-го столѣтія, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ христіанскихъ ученыхъ. Въ 16 в. наиболѣе правильный евр. свящ. текстъ напечатанъ въ комплютенской полиглоттѣ и въ бомберговскихъ изданіяхъ библіи. Въ первой, обнимающей собою В. и Н. З., вз. книги напечатаны подъ заглавіемъ: *Biblia sacra, V. T. multiplici lingua nunc primo impressum.* Полиглотта комплютенская, выходившая съ 1514 по 17 г. въ испанскомъ городѣ Комплютенѣ, была отпечатана благодаря попеченіямъ толедскаго архіепископа, кардинала Франца Хименеса, который для ея еврейскаго текста постарался пріобрѣсти, съ весьма значительными издержками, семь евр. рукописей изъ разныхъ странъ. Кромѣ вз. евр. текста въ комплютенской полиглоттѣ помѣщены, между прочимъ, переводъ LXX и таргумъ Онkelоса на пятокнижie. Къ евр. тексту и къ LXX присоединенъ точный латинскій переводъ, вновь со-

ставленный. — Почти одновременно съ выходомъ комплют. полиглотты нѣкто Даніиль Бомбергъ изъ Антверпена устроилъ въ Венеции типографію, которая была посвящена исключительно печатанію произведеній еврейской литературы. Изъ этой типографіи вышли различныя большія и малыя изданія свящ. вз. книгъ, именно пять изданий одного евр. вз. текста и три большихъ изданія раввинской бібліи *in fol.* Первымъ изъ этихъ послѣднихъ изданий завѣдывалъ перешедшій въ христианство іудей *Felix Pratensis*; въ немъ евр. текстъ былъ напечатанъ главнымъ образомъ по герзомовскому изданию съ большою мазорою, таргумами и раввинскими комментаріями Кимхи, Раши и др. Второе изданіе, пользующееся особеннымъ уваженіемъ, особенно между іudeями, было отпечатано въ 1526 г. подъ наблюденіемъ ученаго раввина Іакова-бенъ-Хайима, о которомъ мы уже упоминали. Въ основу евр. вз. текста въ этомъ второмъ изданіи Іаковъ-бенъ-Хайимъ положилъ текстъ первого изданія; но онъ во многомъ его исправилъ, руководствуясь при этомъ какъ мазорою, такъ и новыми, прежнимъ издателями неизвѣстными, рукописями, главн. обр. испанскими.—Издание подлиннаго вз. текста, отпечатанное въ Сончипо, затѣмъ комплютенское и второе изданіе бомберговское считаются главнѣйшими. Тексты этихъ изданий, особенно бомберговскаго, легли въ основу всѣхъ изданий позднѣйшихъ.

Въ началѣ нашего очерка въ числѣ прочихъ вопросовъ былъ также выставленъ вопросъ о лицахъ, производившихъ перемѣны во внѣшнемъ видѣ вз. текста, о лицахъ вообще работавшихъ надъ этимъ текстомъ, хранившихъ и распространявшихъ его. Безъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ очеркъ нашъ не будетъ законченнымъ. И потому мы сообщимъ нѣсколько историческихъ данныхъ о названныхъ лицахъ, преимущественно за время, обнимаемое домазоретскимъ періодомъ исторіи вз. текста, какъ наиболѣе важнымъ въ этой исторіи.

Сообщая свѣдѣнія относительно исторіи вз. текста, мы неоднажды упоминали, что лица, занимавшіяся текстомъ были

іудейскіе раввины. Но раввины эти не были отдельными личностями, время-отъ-времени появлявшимися среди іудеевъ, личностями, посвящавшими себя изслѣдованію св. писаній лишь вслѣдствіе преобладанія въ нихъ извѣстныхъ наклонностей. Нѣтъ, іудейскіе раввины въ средѣ своего народа составляли особый искусно организованный міръ, имѣвшій свою исторію, богатую какъ свѣтлыми, такъ и скорбными страницами, своихъ героевъ, прославившихся достойною удивленія и уваженія дѣятельностю,—міръ, въ жизни и судьбахъ котораго писанія Вет. Завѣта и особенно писанія Моисеевы имѣли великое, можно сказать, исключительное значение.

Появленіе раввинства въ іудейскомъ народѣ, какъ самостоятельной, могущественной силы, предъ которой съ течениемъ времени должно было все преклониться, совпадаетъ съ возвращеніемъ Іудеевъ изъ вавилонскаго плѣненія въ Палестину. Іudeи возвратились въ свое отчество съ живымъ сознаніемъ того, что они-то избранное Богомъ племя, которое было организовано въ народѣ великимъ пророкомъ и законодателемъ Моисеемъ и что поэтому имъ снова слѣдуетъ устроить свою жизнь сообразно съ Моисеевымъ закономъ. Это сознаніе поставило въ необходимость Ездру, находившагося во главѣ народа, и его помощниковъ стремиться въ своей дѣятельности къ двойкой цѣли: къ уясненію предъ народомъ закона Моисеева и къ проведенію началъ этого закона во всѣ сферы народной жизни. Осуществленіе этой двойкой цѣли потребовало тѣснаго союза между школою и правительственною властью. Союзъ состоялся и онъ-то вызвалъ къ жизни раввинство, какъ особую корпорацію, которая прежде всего уничтожила всякое значеніе священства, затѣмъ, съ помощью демократіи, путемъ открытыхъ революцій, захватила въ свои руки государственную власть, пока наконецъ не сдѣлалась, повинувшись силѣ историческихъ обстоятельствъ, совершенно безучастной ко вѣнчаному міру и не погрузилась всепѣло въ ученыя занятія свящ. вз. писаніями вообще и въ особенности закономъ, что впрочемъ всегда было главнымъ ея дѣломъ.—Наученіе Мо-

сееву закону народа прежде всего привело къ истолкованію еврейскаго библейскаго текста на халдейскомъ нарѣчіи, сдѣлавшемся общеупотребительнымъ. Истолкованіе это состояло отчасти въ буквальномъ лишь переводѣ, отчасти въ перифразѣ. Впрочемъ подобнымъ истолкованіемъ дѣло не ограничилось: къ нему стали примѣшивать объясненія содержанія свящ. текста и наставлениія; такимъ образомъ къ таргуму было присоединено такъ называемой дараѣ т. е. изслѣдованіе писанія и сообщеніе результатовъ изслѣдованія въ увѣщательномъ, гомилетическомъ тонѣ. Наученіе закону совершалось публично въ народныхъ собраніяхъ (1 Мак. 14, 28), состоявшихъ изъ старѣйшинъ, священниковъ и народа. На этихъ собраніяхъ сословіе учителей закона постепенно приобрѣтало тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ болѣе, при изъясненіи закона, встрѣчалось затруднительныхъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія или устраненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе учителей закона или раввиновъ усиливалось и въ другой сфере общественной дѣятельности: въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ мало по малу образовались судилища, члены которыхъ собирались дважды въ недѣлю для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ; дѣла рѣшались на основаніи закона Мойсеева, а потому естественно, что учителя закона или раввины чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начали принимать участіе въ отправленіи правосудія. Первоначально раввины исключительно или главнымъ образомъ принадлежали къ сословію священниковъ; но такъ какъ всякий іудей могъ заниматься изученіемъ закона, то вскорѣ появились лица, которые хотя и не были священниками, но съповательно знали законъ, а потому начали мало по малу обучать ему, чѣмъ и было положено начало замѣнѣ сословія священниковъ сословіемъ раввиновъ, а также начало участія раввиновъ въ управленіи народомъ.—Таргумъ и дараѣ, вызванные потребностію наставлять народъ въ законѣ, въ свою очередь привели къ новой, и также двоякаго рода, дѣятельности, именно къ размноженію списковъ свящ. книгъ, а главное къ опредѣленію вз. канона и разнообразнымъ работамъ надъ вз.

текстомъ съ цѣлію обезопасить его на будущее время отъ поврежденій. Эта дѣятельность принадлежитъ раввинамъ—соферимамъ или мужамъ великой синагоги и ею вообще характеризуется первая эпоха въ исторіи іудейского раввинства. Послѣднимъ членомъ въ ряду мужей великой синагоги былъ Симеонъ праведный, бывшій первосвященникомъ или ко времени посѣщенія Іерусалима Александромъ Македонскимъ, или нѣсколько позднѣе. Симеонъ заключилъ собою первую эпоху въ историческомъ развитіи раввинства, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начало для послѣдующей—второй.

Эта вторая эпоха отмѣчена развитіемъ въ средѣ раввинства сектъ и школъ и окончательною организаціею сословія равиновъ.—Между тѣмъ какъ военные беспокойства и сирійское иго остановили начатое Ездрою проведеніе постановленій Мусеева закона въ жизнь народа іудейскаго: въ нѣкоторой части народа, и именно въ лучшей и образованнѣйшей, ревность по законѣ пробудилась тѣмъ съ большей силой и она-то породила въ раввинствѣ секты и ученыя школы. Эти послѣднія были вызваны къ жизни Симеономъ: главою первой школы талмудъ называется лучшаго изъ учениковъ Симеоновыхъ — Антигона. Изъ первой школы вскорѣ выдѣлилась другая. Два ученика Антигона, въ томъ числѣ Саджъ, остановили вниманіе на одномъ изъ главныхъ положеній своего учителя: «не будьте рабами, которые служатъ господину съ цѣлію получить награду» и объяснили его въ томъ смыслѣ,—что въ вѣчности нѣтъ награды и за предѣлами гроба не будетъ никакого воздаянія, положивъ такимъ образомъ основаніе саддукеиству, которое сначала было лишь школою и только впослѣдствіи получило значеніе секты, когда, съ развитіемъ фарисейства, ясно обозначилось рѣзкое различіе между воззрѣніями саддукеевъ и фарисеевъ. Фарисейское направленіе, зародыши котораго обнаружились въ іудейскомъ обществѣ, тотчасъ же по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, вполнѣ опредѣлилось, также какъ и направленіе саддукеевъ, среди тяжелыхъ обстоятельствъ сирійского владычества. Изъ числа Мусеевыхъ законовъ ис-

полненіе которыхъ, при названныхъ обстоятельствахъ, было еще возможно, особенное значеніе получили законы внѣшней обрядности, каковы, напр. законы очищенія. Но народъ вообще всегда небрежно относился къ ихъ выполненію, что еще во времена великой синагоги дало поводъ къ возникновенію общества людей, которые заботились о самомъ строгомъ выполненіи названныхъ законовъ, чѣмъ, конечно, очень замѣтно выдѣлялись изъ народныхъ массъ. Съ теченіемъ времени это общество выдѣлившееся или отдѣленныхъ (**פְּרָשִׁים** pheruschim, отсюда фарисей) все болѣе и болѣе объединялось, такъ что образовало изъ себя духовный, подраздѣлявшися на различные степени орденъ, который, смотря по обстоятельствамъ, принималъ иногда характеръ политического клуба. Направленіе фарисеевъ и ихъ значеніе въ народѣ со всею полнотою выяснялись во времена Маккавейскія: они то главнымъ образомъ, имѣя во главѣ Маккавеевъ, вели борьбу за Мойсеевъ законъ и, одержавъ побѣду, съ большимъ, чѣмъ прежде, усердіемъ отдались изученію этого закона и всѣхъ вообще вз. писаній. Благодаря этимъ ревностнымъ занятіямъ вз. писаніями, изъ общества фарисеевъ и вышли знаменитѣйше и ученѣйше раввины и между прочимъ тѣ десять представителей различныхъ школъ, которые исчисляются въ талмудѣ и которые дѣйствовали въ первомъ столѣтіи предъ Р. Х. Эти представители школъ (нужно замѣтить, что во главѣ школъ они стояли по парно) занимались по преимуществу объясненіемъ писанаго закона, опираясь при этомъ на преданіи своихъ предшественниковъ, восходившемъ ко временамъ Ездры. Въ числѣ десяти и послѣднимъ въ ряду ихъ былъ Гиллель великий. Этотъ знаменитый раввинъ далъ окончательную организацію всему раввинству, соединивъ сословіе учителей закона въ тѣсно сплоченную корпорацію, не смотря на различіе направлений между саддукеями и фарисеями.

Около 80 г. до Р. Х. раввинами было введено въ употребленіе посвященіе, совершившееся посредствомъ возложенія рукъ и дававшее право быть учителемъ закона. Поводомъ ко

введенію этого обряда въ указанное время послужило возвышение Іерусалимскаго судилища на степень высшей инстанціи по отношенію къ судилищамъ, существовавшимъ въ другихъ городахъ. Со временемъ такого возвышенія Іерусалимскаго судилища, или великаго синедріона, его члены, которыхъ съ тѣхъ поръ было всегда 70, собирались уже не дважды въ недѣлю, а ежедневно. Кромѣ рѣшенія судебныхъ дѣлъ, они давали окончательное рѣшеніе по всѣмъ религіознымъ вопросамъ, возникавшимъ въ средѣ іудеевъ, гдѣ бы послѣдніе ни находились. Во главѣ членовъ великаго синедріона стоялъ предсѣдатель, которымъ до разрушенія храма былъ по большей части первосвященникъ; виослѣдствіи предсѣдателю былъ усвоенъ титулъ князя (**בָּשִׂיא**, наssi); помощникъ предсѣдателя назывался верховнымъ судьею (**אָבְ פִּתְּן**, аб-ббет-динъ). Всѣ 70 членовъ должны были имѣть посвященіе и покрайней мѣрѣ два изъ нихъ—отличаться глубокой ученостію.—Столь высоко поставленному Іерусалимскому сенедріону Гиллелъ придалъ еще большое значеніе, особенно въ раввинскомъ мірѣ. Именно со временеми Гиллела посвященіе и соединенія съ нимъ права учителя закона можно было получить не иначе, какъ съ согласія и утвержденія предсѣдателя синедріона и верховнаго судьи, притомъ можно было получить лишь лицу, избирающему поприщемъ своей дѣятельности Палестину. Такимъ образомъ посвященіе, будучи поставлено со временеми Гиллела въ зависимость отъ синедріона, сплотило около этого послѣдняго весь раввинскій міръ Палестины во одно тѣсно связанное цѣлое.

Но сообщеніе окончательной организаціи раввійскому міру не было главнымъ дѣломъ Гиллела, прославившимъ его; какъ раввинъ, онъ прославился тѣмъ, что впѣсть опредѣленность и систематичность въ ученыя занятія раввиновъ; этимъ онъ положилъ прочное начало приведенію въ порядокъ Миши и открылъ третью эпоху въ исторіи раввинства. До Гиллела Мочсеевъ законъ былъ подраздѣляемъ на 613 частей, или рубрикъ съ цѣллю его ученой обработки на основаніи преданія. Гил-

лель уничтожилъ это до крайности мелкое дѣленіе, замѣнивъ 613 рубрикъ 18-ю, что дало раввинамъ возможность внести порядокъ и ясность въ тотъ матеріалъ, который они, при объясненіи закона, заимствовали изъ преданія. Затѣмъ, давая дальнѣйшее развитіе предписаніямъ закона, выводя изъ нихъ, какъ изъ общихъ положеній, положенія частныя, раввины не руководствовались при этомъ какими либо опредѣленными правилами, не держались какой либо системы. Гиллель выработалъ 7 руководственныхъ правилъ, сдѣлавшихся обязательными для раввиновъ въ ихъ занятіяхъ закономъ; такъ Гиллель между прочимъ заключалъ отъ болѣе важнаго къ менѣе важному и наоборотъ, дѣлалъ выводы изъ сходства по содержанию различныхъ предписаній закона, изъ общихъ положеній, сообразныхъ съ закономъ, изъ положеній, которая естественно вытекали изъ несколькихъ мѣстъ закона и проч. — За свою ученую дѣятельность Гиллель названъ въ талмудѣ возстановителемъ закона послѣ Ездры и былъ возвышенъ на степень предсѣдателя синедрона. Того же достоинства и почти той-же славы достигъ внукъ Гиллела Гамаліль великий, учитель ап. Павла. Дѣдъ и внукъ, сверхъ другихъ достоинствъ, кротостю и снисходительностью ко мнѣніямъ другихъ, въ противоположность съ партіею Зелотовъ, которая, усиливаясь все болѣе и болѣе, ускорила разрушеніе Іерусалима. Послѣ этого разрушенія, во время которого,—нужно замѣтить,—погибъ сынъ Гамаліила, Симеонъ, лучшіе, пощаженные римлянами, раввины собрались въ Ямнѣ, при чмъ во главѣ новаго синедрона былъ поставленъ сынъ Симеона, Гамаліль II-й.—Съ погибеллю іудейского народа, какъ политического цѣлаго, партія саддукеевъ, имѣвшая въ послѣднее время лишь политическое значеніе, почти исчезла; съ разрушеніемъ храма священство уничтожилось; единственою живою силою въ іудейскомъ обществѣ остался опиравшійся на преданіе раввинизмъ и потому онъ вскорѣ достигъ въ средѣ своихъ соплеменниковъ безусловнаго надъ всѣмъ господства.—Въ началѣ 2-го в. по Р. Х. представители раввинства съ помощью насилия уничтожили

послѣднія попытки сохранить самостоятельность и умѣренность въ пользованіи преданіемъ при объясненіи закона; именно нѣкоторые отдельныя и при томъ лучшія личности изъ раввиновъ, желавшія противодѣйствовать крайностямъ, до которыхъ доходилъ раввинизмъ, выводя изъ постановленій закона различныя правила, были подвергнуты проклятию. Проклятие при этомъ случаѣ было употреблено впервые; но впослѣдствіи оно нашло обширное приложеніе въ раввинскомъ мірѣ.—Возстаніе, произведенное ложнымъ мессіею Вар-кохавомъ въ 131 г. и вызванное преслѣдованіями, которымъ подвергались іудеи со стороны римлянъ, окончилось самымъ бѣдственнымъ для іудеевъ образомъ и дало лишь поводъ къ преслѣдованіямъ еще болѣе тяжкимъ, при чёмъ особенно жестоко были гонимы раввины. Такъ одинъ изъ нихъ, и притомъ знаменитѣйшій, Акиба былъ умерщвленъ, другой—Симонъ-бенъ-Іохай вынужденъ былъ скрываться въ пещерѣ. Этимъ двумъ раввинамъ были впослѣдствіи приписаны важнѣйшіе каббалистические труды.—Около половины 2 в., синедріонъ, имѣя предсѣдателемъ сына Гамаліила II-го, Симона, перешелъ изъ Ямніи въ Тиверіаду. Здѣсь, наряду съ Симономъ, особеннымъ почетомъ пользовался раввинъ Іонаѳанъ (верховный судья) и р. Мейръ (первый совѣтникъ). Около этихъ мужей собирались цѣлые толпы учениковъ. Но болѣе всѣхъ раввиновъ Тиверіады прославился р. Іуда, сынъ Симона, въ 220 г. получившій титулъ наssi, или князя. Насси Іуда обладалъ ученостію, богатствомъ, пользовался вниманіемъ римскаго императора. Со времени Іуды значеніе наssi увеличилось въ ущербъ значенію синедріона. Насси начали считать верховнымъ главою всего іудейства; всѣ учителя и суды должны были получать отъ него свое утвержденіе. Особенно прославился Іуда своею дѣятельностью въ качествѣ учителя. Онъ имѣлъ обширную аудиторію, гдѣ собираль около себя юношей для обученія. Ученики должны были, соблюдая извѣстный порядокъ, высказывать свои мнѣнія и недоумѣнія по поводу преподаннаго учителемъ и учитель, выслушавъ своихъ питомцевъ, спокойно отвѣчать имъ; въ залахъ, смежныхъ

съ главною аудиторією, шло также обученіе юношества; здѣсь обучали многіе наставники подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ Іуды. Іуда кромѣ того учила публично въ синагогахъ. Но самымъ важнымъ дѣломъ Іуды было собраніе и запись всего хранившагося въ преданіи относительно закона. И до него были попытки въ подобномъ родѣ; но всѣ онѣ не имѣли успѣха. Іуда обладавшій обширною ученостію, пользуясь величайшимъ уваженіемъ, былъ, какъ ни кто другой, въ состояніи съ возможнымъ совершенствомъ выполнить предпринятое имъ дѣло и придать ему надлежащей авторитетъ въ глазахъ другихъ. Іуда помѣстилъ весь собранный имъ материалъ въ 6-ти отдѣлахъ, сокративъ такимъ образомъ 18 отдѣловъ Гиллела. Заглавія этихъ 6-ти отдѣловъ слѣдующія: 1) о посѣвахъ, 2) о женщинахъ, 3) о праздникахъ, 4) о правахъ собственности, 5) о священныхъ предметахъ, 6) о чистомъ и нечистомъ. Трудъ Іуды былъ названъ «*Мишна*» (отъ **שְׁבַתָּה** повторять), —имя, употреблявшееся и прежде при вышеупомянутыхъ попыткахъ. Мишна, обязанная своимъ возникновеніемъ Іудѣ, отличается богатствомъ материала, порядкомъ въ распределеніи этого материала, краткостію и ясностію выраженія. Собраниемъ и записью Мишны Іуда заключилъ третью и началь четвертую и послѣднюю эпоху въ первомъ, главномъ періодѣ истории раввинства.

Со временеми приведенія въ порядокъ и записи Мишны, этою послѣднею твердо былъ определенъ кругъ дѣятельности раввиновъ. До того времени раввины въ своихъ собственныхъ ученихъ занимались и при обученіи другихъ исходнымъ пунктомъ имѣли свящ. писаніе; теперь точно такое же значеніе для нихъ получила Мишна: занимаясь сами и обучая другихъ, они начали развивать тѣ основанія, которыми руководствовались прежніе раввины, высказывая свои положенія и определенія, составившія содержаніе Мишны. Раввины полагали, что съ помощью Мишны можетъ быть возстановленъ духъ Моисеевыхъ законовъ, а между тѣмъ въ гражданскомъ правѣ законъ Моисеевъ сдался лишь внѣшнимъ покровомъ чуждыхъ,

именно римскихъ правовыхъ понятій. Съ паденіемъ храма все богослуженіе сдѣлалось совершенно другимъ и даже тѣмъ законамъ, выполненіе которыхъ было еще возможно, былъ приданъ смыслъ, совершенно ихъ искажавшій. Какъ школьная книга, Мишна принесла ту пользу, что обиліе въ ней называемой различныхъ лицъ и предметовъ дало учителямъ случай присоединить къ ней множество историческихъ, естественно-историческихъ, физическихъ, физіологическихъ и другихъ свѣдѣній и примѣчаній. Объясненія Мишны, дополненія къ ней и вообще результаты раввинскихъ работъ надъ Мишною получили название *гемары*.—Преемниками Іуды въ званіи наassi были мало замѣчательные мужи; это: Гамаліль III, Іуда II, Гиллель II, Іуда III, и Гамаліль IV. Всѣ они были членами дома Іуды. Ко времени названныхъ мужей относятся два замѣчательныхъ произведенія, составленныхъ раввинами Тиверіады: 1) іудейскій календарь, составленный при Гиллелѣ II въ 358 г. по поводу споровъ о празднованіи пасхи, возникшихъ въ христіанской церкви, и имѣвшій цѣллю уравнять солнечный и лунный годы; 2) талмудъ такъ называемый Іерусалимскій, принадлежащій неизвѣстному автору; это трудъ, въ которомъ все, сказанное раввинами послѣ Іуды, присоединено къ Мишнѣ; какъ ея комментарій, какъ гемара, онъ не сохранился до нашего времени въ полномъ своемъ составѣ. Название Іерусалимскаго дано ему впослѣдствіи, какъ произведенію палестинскому, въ противоположность талмуду вавилонскому, составленному позднѣе.—При приемникахъ Іуды значеніе раввинизма въ Палестинѣ уничтожилось почти окончательно; но въ замѣнѣ этого оно усилилось въ Вавилоніи (т. е. въ Месопотаміи и пограничныхъ частяхъ Персіи). Во все предшествующее время до самой смерти Іуды вавилонскіе іudeи находились въ полной зависимости отъ палестинскихъ раввиновъ. Въ Тиверіадѣ старались отклонять отъ переселенія въ Вавилонію талантливыхъ палестинцевъ и удерживать въ Палестинѣ лучшихъ учениковъ изъ вавилонскихъ іudeевъ; раввинамъ, дѣйствовавшимъ въ Вавилоніи, давались самые ограниченные права.

Но по смерти Іуды положеніе дѣлъ измѣнилось: два вавилонскихъ іудея, получившіе образованіе въ Тиверіадѣ, уничтожили зависимость своихъ соплеменниковъ и соотечественниковъ отъ раввиновъ цалестинскихъ и положили начало процвѣтанію раввинизма ихъ въ Вавилоніи. Первымъ изъ нихъ былъ Самуилъ Аріохъ, ученый врачъ и астрономъ; поселившись въ Нагардѣ, онъ основалъ здѣсь іудейскую академію, вскорѣ пріобрѣвшую громкую извѣстность. Всльдѣ за Аріохомъ другой раввинъ Абба Ариха устроилъ новую академію въ Сурѣ на Евфратѣ.

Это было около 260 г. по Р. Х. лѣтъ 50 спустя, Іуда бенъ-Іезекіиль положилъ основаніе третьей академіи въ Пумпедитѣ на лѣвомъ берегу нижняго Евфрата. Щедрыя пособія этимъ академіямъ со стороны іудеевъ давали имъ возможность надлежащимъ образомъ заботиться и объ учителяхъ и о воспитанникахъ; такъ напр. уже при преемникѣ Аббы, Гонѣ, сурская академія безъ труда могла и содержать и воспитывать 800 учениковъ. Изъ всѣхъ вавилонскихъ раввиновъ знаменитѣйшимъ былъ раввинъ Аши, жившій во второй половинѣ 5-го в. Онъ пользовался такимъ глубокимъ уваженіемъ среди іудеевъ, что впродолженіе 60 лѣтъ полновластно управлялъ всѣмъ раввинскимъ міромъ, не смотря на то, что вавилонскіе іудеи имѣли особаго свѣтскаго главу. Этотъ раввинъ завершилъ талмудъ и тѣмъ закончилъ четвертую и послѣднюю эпоху первого и важнѣйшаго періода въ исторіи раввинства. Ко времени Аши запутанность въ объясненіяхъ Мишны, всльдствіе ихъ различія, достигла крайней степени. Самая Мишна подверглась искаженію. Это-то и побудило знаменитаго раввина предпринять громадный трудъ редакціи Мишны и гемары, или того, что, по завершеніи Мишны, было сдѣлано раввинами для ея объясненія. Около Аши, дважды въ годъ весной и осенью, со всего востока собирались цѣлые толпы любознательныхъ іудейскихъ юношесъ съ цѣллю послушать славнаго учителя. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Аши поручалъ своимъ ученикамъ, чтобы каждый изъ нихъ постарался къ слѣдующему собранію узнать на своей родинѣ и собрать все то, что было

тамъ извѣстно относительно того или другаго отдѣла закона,— были-ли то древнія преданія относительно закона; или же позднѣйшія произведенія раввинской мысли, углублявшейся въ Мишну. Ученники охотно и старательно выполняли порученіе своего учителя. Впрочемъ изъ древнихъ преданій относительно закона было собрано ими немногое, такъ какъ преданія эти были заключены уже въ Мишнѣ; но тѣмъ болѣе узнали и собрали они изъ того, что было придумано и сказано позднѣйшими раввинами различныхъ странъ. Въ составъ собраннаго ими матеріала входили объясненія Мишны, воспоминанія изъ древнихъ временъ, имѣвшія отношенія къ Мишнѣ, нравственныя изрѣченія, размышенія и фантазіи о вещахъ божественныхъ, притчи, аллегоріи и под. Весь этотъ матеріалъ Аши постепенно приводилъ въ порядокъ и, смотря по содержанію, присоединялъ къ тому или другому отдѣлу Мишны, какъ ея гемару, т. е. какъ ея изъясненіе и пополненіе. Для большаго удобства въ размѣщеніи разнообразнаго и обильнаго матеріала Аши раздѣлилъ 6 отдѣловъ Мишны на 61 трактатъ. На собраніе, приведеніе въ порядокъ матеріала, вошедшаго въ составъ талмуда, затѣмъ на окончательную ею редакцію Аши употребилъ 30 л. Въ іудейскомъ мірѣ вскорѣ сложилось воззрѣніе, что талмудъ, завершенній раввиномъ Аши, есть дѣло совершенно законченное и потому не подлежащее измѣненію.

Со времени завершенія талмуда и съ окончаніемъ первого главнаго періода въ исторіи іудейскаго раввинства, исторія эта въ послѣдующій второй періодъ распадается на двѣ половины—исторію восточныхъ и исторію западныхъ раввиновъ.— Съ началомъ втораго періода для раввиновъ на востокѣ настали тяжелыя времена. На нихъ всею тяжестью палъ гнетъ жестокой деспотической власти новоперсидскихъ правителей; византійскими императорами были изданы противъ нихъ суровые законы. Вслѣдствіе этого раввинскія школы на востокѣ закрылись. Правда, спустя 70 л. по ихъ закрытіи, онѣ снова были открыты вавилонскими іудеями; но эти вновь открытые школы не произвели ничего замѣчательнаго, не дали зна-

менитыхъ раввиновъ; исключение составляетъ выше упомянутый Саадіа Гаонъ († 942) изъ Суры. Въ 1040 г. вавилонскія раввинскія школы закрылись навсегда. Кромѣ того и въ средѣ самаго раввинства произошли смуты. Еще во 2 в. по Р. Х. были, какъ уже сказано, сдѣланы нѣкоторыми раввинами попытки освободиться отъ обязательного слѣдованія раввинскому преданію въ занятіяхъ писаніемъ, — попытки уничтоженные насильственнымъ образомъ. Но теперь онѣ снова обнаружились и повлекли за собою расколъ караитовъ, или қараимовъ, которые отвергли авторитетъ раввинского преданія, признали единственнымъ надежнымъ руководствомъ въ религії писанное слово Божіе и дали каждому учителю закона право объяснять писанія самостоятельно. Но тяжелая обстоятельства не были сильны отклонить восточныхъ раввиновъ отъ занятій ветхозавѣтными писаніями; они повели лишь къ тому, что открытые школьные занятія смѣнились частными. Въ типинѣ своихъ жилищъ раввины вавилонскіе продолжали писать трактаты въ духѣ талмуда, палестинскіе посвятили себя мазоретскимъ работамъ.

Со времени утвержденія арабовъ на пиринейскомъ полуостровѣ іудейскіе раввины съ востока проникли и въ западныя страны со списками ветхозавѣтныхъ книгъ и талмуда и съ своею талмудическою мудростію. Раввины пиринейскаго полуострова начали, подъ вліяніемъ арабовъ, съ увлеченіемъ изучать арабскій языкъ, арабскую литературу, подражать арабамъ въ поэзіи, заниматься медициною, математикою, астрономію и другими науками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не забывали занятій ветхозавѣтными писаніями и предметами, имѣвшими къ нимъ отношеніе. Такъ они трудились надъ грамматикою и исксикографіею библейскаго языка, надъ переводомъ талмуда на арабскій языкъ, дѣлали изъ талмуда извлечения, объясняли его, писали экзегетическія и критическія сочиненія и т. д. Что касается раввиновъ другихъ европейскихъ странъ, то они исключительно занимались изученіемъ и преподаваніемъ талмуда и недовѣрчиво смотрѣли на своихъ испанскихъ со-

племенниковъ и ихъ разнообразныя занятія, которымъ отдались они подъ арабскимъ вліяніемъ. Вследствіе такого различія въ занятіяхъ западныхъ раввиновъ въ ихъ средѣ развілись два направленія—либеральное (въ Испаніи и съверной Африкѣ) и строго-консервативное (въ Нарбоннскій Галліи и при Рейнскихъ странахъ). Впрочемъ эти противоположныя направленія не привели къ расколу, какъ это случилось на востокѣ; ихъ представители послѣ горячихъ споровъ и взаимныхъ проклятій сошлись между собою.—Къ числу извѣстнѣйшихъ западныхъ раввиновъ среднихъ вѣковъ принадлежать между прочимъ: Абенъ Езра (между 1090 и 1170 гг.)—знатокъ философіи и талмуда, медикъ, математикъ, астрономъ и поэтъ, извѣстный своимъ комментаріями на ветхозавѣтныя библейскія книги, напечатанными въ раввинскихъ библіяхъ, изданныхъ Бомбергомъ и Буксторфомъ; имъ составлена также еврейская грамматика; Соломонъ, Пархонъ—грамматикъ; Гершомъ-бенъ-Іуда, писавшій о талмудѣ (11 в.); Раши (1030—1105), самостоятельно и здраво объяснившій писаніе и талмудъ; Давидъ Кимхи—философъ и грамматикъ; Моусей Маймонидъ (1135—1204), знаменитый своею ученостію и либеральными направленіемъ, написавшій, между прочимъ, объясненіе Мишны,—сочиненіе, интересное по своему введенію, знакомящему съ исторіею и составомъ талмуда, и мн. др.—Изобрѣтеніе книгопечатанія дало возможность западнымъ раввінамъ сдѣлать общимъ достояніемъ древнія сокровища, хранившіяся у нихъ и, до того времени, доступныя немногимъ. Такъ, въ 1520 г., въ Венеціи былъ напечатанъ талмудъ, въ 1526—раввинская библія съ мазорою (см. выше), въ 1538—книга Иліи Левита (1472—1549) *Masoreth Hammasoreth*, служащая ключемъ къ уразумѣнію мазоры.

Знакомясь съ исторіею іудейскаго раввинства, нельзя не видѣть, что ветхозавѣтныя писанія и особенно писанія Мусеевы были всѣмъ для раввиновъ. Признавая ихъ богоусповѣденными, данными съ цѣллю осчастливить избранный народъ, они видѣли въ нихъ высшую, непреходящую норму

жизни. Изучение этихъ писаній, работы надъ ними съ тѣмъ, чтобы сохранить неизмѣннымъ ихъ содержаніе, сдѣлать невозможнымъ поврежденіе незначительнѣйшей черты въ нихъ—это было для раввиновъ долгомъ, единственную задачею жизни, утѣшениемъ среди тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ. Поэтому они не могли не заниматься ветхозавѣтными писаніями, не могли не заботиться о сохраненіи ихъ текста и они занимались, хранили и сохранили, сдѣлавъ для этого сохраненія все, что только въ состояніи сдѣлать люди.

Въ представленномъ нами краткомъ очеркѣ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста даны посильные отвѣты на вопросы, выставленные въ началѣ очерка и преимущественно на главный изъ нихъ: не исказился ли первоначальный текстъ ветхозавѣтныхъ писаній при перемѣнахъ, произведенныхъ во внѣшнемъ его видѣ, при распространеніи его посредствомъ копій, при передачѣ изъ вѣка въ вѣкъ? И смыслъ даннаго нами отвѣта таковъ: существуютъ достаточные основанія утверждать, что подлинный текстъ ветхозавѣтныхъ писаній дошелъ до насъ въ правильномъ, говоря вообще, неискаженномъ видѣ. Но если такъ, то мы, при занятіяхъ ветхозавѣтными писаніями съ какими бы то не было цѣлями, не смущаясь можемъ обращаться къ ихъ подлинному тексту (или къ точнымъ и добросовѣстно составленнымъ его переводамъ), въ увѣренности, что истины, выраженные въ этомъ текстѣ (или въ точныхъ его переводахъ), суть истины первоначальная, тѣ самыя, которыя древле были преданы письмени богоухновенными писателями Ветхаго Завѣта. Правда въ подлинный ветхозавѣтный текстъ могли вкрасться, при всѣхъ заботахъ о его храненіи, при всемъ благоговѣйномъ уваженіи къ нему, неправильности, могли быть сдѣланы въ немъ и некоторые опущенія; тѣ и другія дѣйствительно и указываются. Но во 1-хъ *несомнѣнныхъ* неправильностей и пропусковъ въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ найдется немного, а во 2-хъ исправленіе первыхъ и восполненіе послѣднихъ не невозможно съ помощью критики,—kritики безпристрастной, опирающейся на строго-научныхъ данныхъ.

E.